

Россия и Азия

№ 4 (22), 2022

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 8 (22), 2022 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ****Шкваря Л. В.**Трансформация внешней торговли России и роль стран Азии **6****Исаев В. А., Паксютов Г. Д.**Восточная Азия как лидер глобальной индустрии видеоигр: факты и тенденции **17****РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ****Аль Хумсси А.**Сирийская экономика и возможности восстановления **28****Ма Чунбо**О зеленой и реверсивной логистике в Китае, основанной на устойчивом развитии **42****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ****Черников А. В.**Теоретические аспекты изучения экономических диспропорций и
неравномерности социально-экономического развития **55**

Content**WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS****Shkvarya L. V.**Transformation of Russia's foreign trade and the role of Asian countries **6****Isaev V. A., Paksiutov G. D.**East Asia as a Leader of the Global Video Games Industry: Facts and Trends **17****DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES****Al Humssi A.**The Syrian economy and recovery opportunities **28****Ma Chunbo**On the Green and Reverse Logistics in China based on Sustainable Development **42****ECONOMIC THEORY AND HISTORY****Chernikov A. V.**Theoretical aspects of the study of economic imbalances and uneven socio-economic development **55**

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

Трансформация внешней торговли России и роль стран Азии

Шкваря Людмила Васильевна¹

В современных условиях постглобализации и усиления санкционного давления для Российской Федерации актуализируется задача поиска новых внешнеторговых партнеров для развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений. В статье обосновывается, что наиболее значимым с этой точки зрения макрорегионом уже становится Азия на всем ее географическом протяжении. Автор отмечает, что рост взаимной торговли Российской Федерации со странами Азии вырос в последние 5 лет значительно — как под влиянием глобальных факторов, в том числе растущей и многосторонней нестабильности, так и вследствие устойчивого и ускоренного роста экономического потенциала стран Азии. Цель статьи — провести исследование изменения географии внешней торговли России в настоящее время, как результата ее трансформации в период с 2012 по 2021 гг., и оценить перспективы участия страны на мировом рынке в обозримом будущем. Для достижения указанной цели автором применены как теоретические, так и эмпирические методы, в том числе статистические, сравнительного анализа, графический и др. В качестве базы для статистического анализа использованы данные отечественной и международной статистики. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу, что, несмотря на имеющиеся трудности в освоении рынков стран Азии, интерес к такому сотрудничеству растет и у этого макрорегиона вследствие таких факторов, как последовательность российской внешнеторговой политики, значительный объем российского рынка и экономического потенциала страны в целом. В целом автор рассматривает происходящие изменения как позитивные, хотя и требующие проведения более активной и последовательной политики, в том числе и государственной, на новых рынках.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Азия, внешнеторговое сотрудничество, мировая торговля, экспорт, импорт.*

JEL коды: *F01, F14, O53.*

Введение

Современный трансформационный период развития глобальной экономики характеризуется резкими изменениями в географии мировой торговли как в целом, так и у отдельных стран. Эти два обстоятельства отмечают многие исследователи в последнее

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

пятилетие. Они выступают следствием глобальной трансформации в мировой экономике, т. е. в экономическом базисе (цифровизация, 4-я промышленная революция, географическое перемещение производственных процессов в развивающиеся страны, прежде всего — регионы Азии), так и в глобальной надстройке — перемещении основных торговых потоков в тот же азиатский макрорегион.

Так, И. И. Афанасьева отмечает, что «До недавнего времени глобализационные процессы характеризовались как устойчивые, преимущественно позитивные. Но на нынешнем этапе глобального развития стало ясно, что процесс глобализации носит совсем нелинейный характер, и значительно зависит от сложившейся геополитической ситуации в мире...» (Афанасьева, 2018). При этом центр мирового производства все более отчетливо перемещается в Азию, что вызывает и естественные изменения в географии мировой торговли, что фиксируют и международные организации (UNCTAD, 2020).

Если говорить о трансформации мировой торговли, то стоит отметить, что многие авторы обращают внимание на изменение ее географии в направлении роста доли развивающихся стран в глобальных торговых потоках. Прежде всего, это касается стран Азии. Так, отечественными экспертами обосновывается точка зрения, что «Значительные изменения произошли и продолжаются в географической структуре международной торговли. Если их суммировать, то основные сдвиги под влиянием глобализации связаны с увеличением совокупной доли развивающихся стран и рынков и, главное, повышением роли в международной торговле развивающихся государств Азии во главе с Китаем» (Спартак, Лихачев, 2018).

В результате под влиянием всех этих процессов на протяжении уже более десятилетия происходит и трансформация внешней торговли Российской Федерации, что подчеркивают многие эксперты. Так, М. В. Меланьина приходит к выводу, что введение антироссийских санкций стало одним из важнейших факторов трансформации географии российской внешней торговли в последнее десятилетие, и особенно после 2014 г. (Меланьина, 2018).

Однако представляется необходимым провести уточняющее исследование географии внешней торговли России в настоящее время как результата ее трансформации в период с 2012 по 2021 гг., и оценить перспективы участия страны на мировом рынке в обозримом будущем. Для достижения указанной цели автором применены как теоретические, так и эмпирические методы, в том числе статистические, сравнительного анализа, графический и др. В качестве базы для статистического анализа использованы данные отечественной и международной статистики.

Результаты исследования

Внешняя торговля для Российской Федерации традиционно остается важнейшим фактором ее экономического роста (Международная торговля, 2019). В то же время в XXI в. национальная экономика и внешнеторговый сегмент России подвергаются беспрецедентному давлению в сфере осуществления международных контактов, которые осуществляются в сложнейших условиях (Линецкий, 2022). Объем внешней торговли России за 1-й год пандемии в 2020 г. сократился в сравнении с допандемийным 2019-м г. с 672,0 до 567,8 млрд долл. (на 18,4%), но уже в 2021 г. превысил объем внешнеторгового оборота в 2019 г. на 16,7% и составил 784,3 млрд долл. Причем этот показатель остается для РФ

вторым по величине за весь постсоветский период после его максимального значения в 2013 г. в объеме 841,3 млрд долл. США, как видно из табл. 1 и рис. 1.

Сальдо внешнеторгового баланса у Российской Федерации положительное, и в 2021 г. оно увеличилось, хотя и не достигло уровня 2013–2014 гг. (исторический максимум). Другими словами, внешняя торговля России остается несбалансированной по торговым потокам, потому что валюта, которую мы заработали, благодаря превышению экспорта, осталась, фактически не востребованной, страна не смогла, да и не может сегодня, потратить ее на мировом рынке. По сути, это проблема, так как РФ меняет большее на меньшее.

Таблица 1.

Динамика внешней торговли России в 2012–2021 гг., млрд долл.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Внешнеторговый оборот России	839,5	841,3	782,9	526,0	468,0	584,0	687,5	672,0	567,8	784,3
Экспорт РФ	525,4	526,0	496,9	344,0	286,0	357,0	449,3	420,4	336,4	491,2
Импорт РФ	314,1	315,3	286,0	183,0	182,0	227,0	238,2	251,6	231,4	293,1
Сальдо	211,2	210,7	210,9	161,0	104,0	130,0	211,1	168,8	105,0	198,1

Источник: Итоги внешней торговли России. Аналитика за 2021 г.

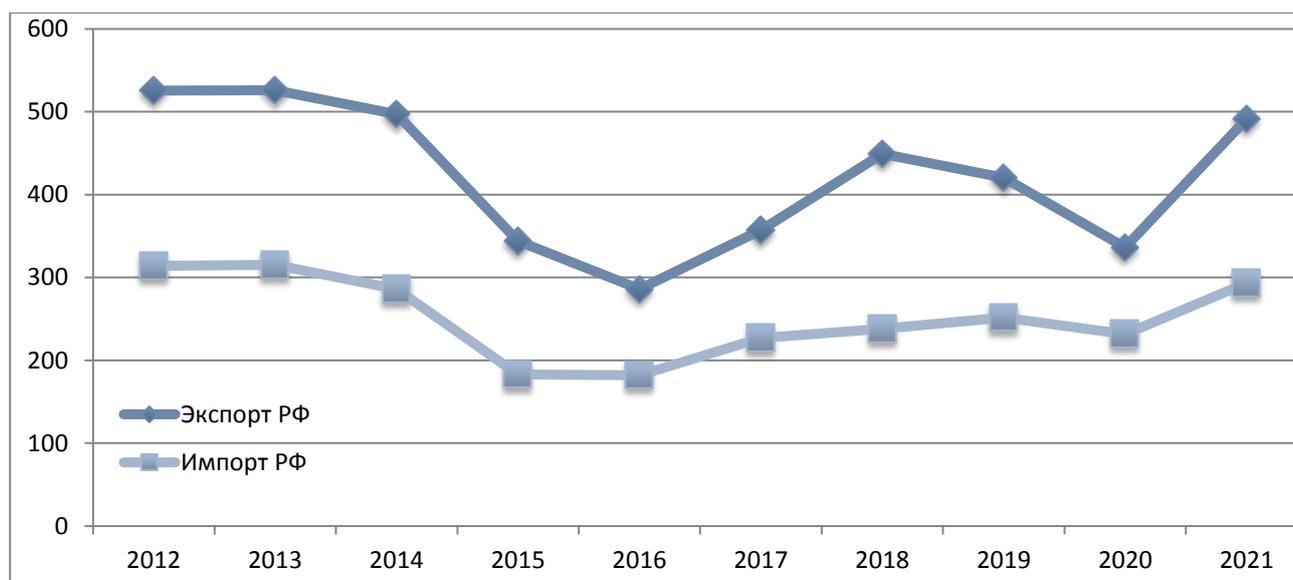

Рис. 1. Динамика внешней торговли России в 2012–2021 гг., млрд долл.

Источник: составлено по данным табл. 1.

Как видно из рис. 1, в 2014–2016 гг. имел место резкий спад во внешнеторговых показателях России, особенно заметный в сфере экспорта, что связано исключительно с «посткрымскими» санкционными ограничениями для РФ, инициировавшими «Поворот на Восток».

Проанализируем географию внешней товарной торговли Российской Федерации в разрезе глобальных макрорегионов мира (табл. 2–3 и рис. 2–3) в рамках реализации этой инициативы. Конечно, как показывает анализ представленных в таблицах статистических данных, процесс идет весьма нелинейно. Также очевидно, что традиционность и исторически сложившаяся взаимосвязь торговых потоков, как и географическая близость/удаленность

России от соответствующих макрорегионов, играют свою роль и оказывают воздействие на объемы торговли.

Однако, несмотря на известную инерционность международной торговли, уже можно видеть и те изменения, которые произошли за период с 2014 г. (табл. 2–3 и рис. 2–3).

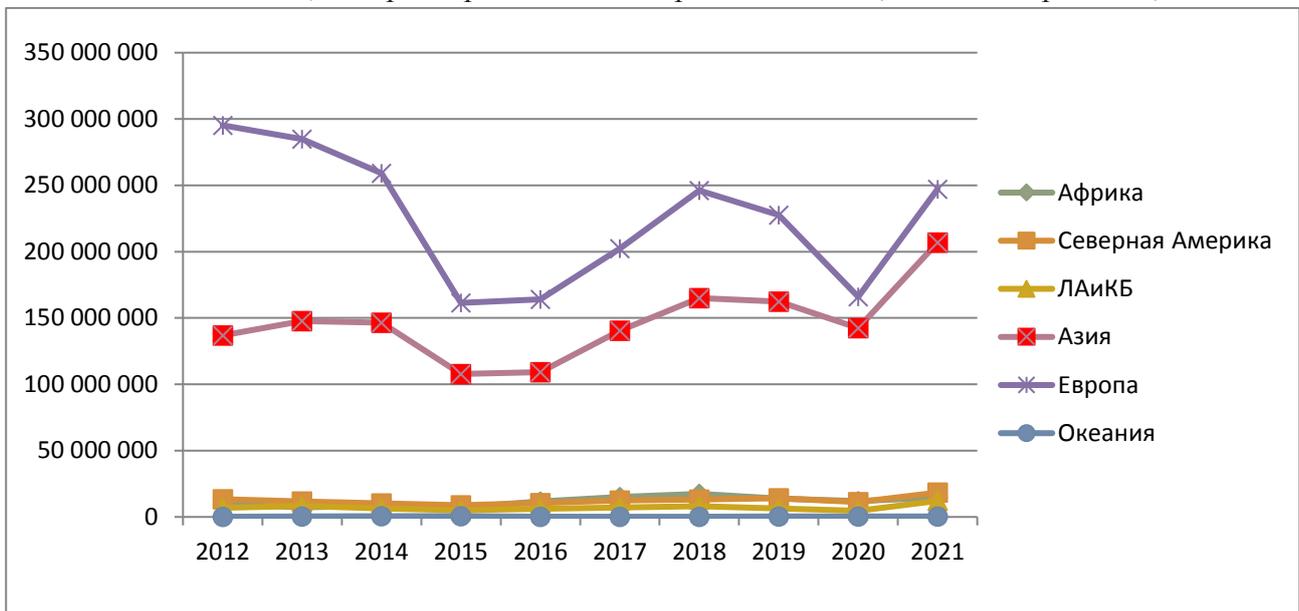

Рис. 2. Динамика экспорта Российской Федерации в основные макрорегионы мира в 2012–2021 гг., тыс. долларов.

Источник: составлено по данным табл. 2.

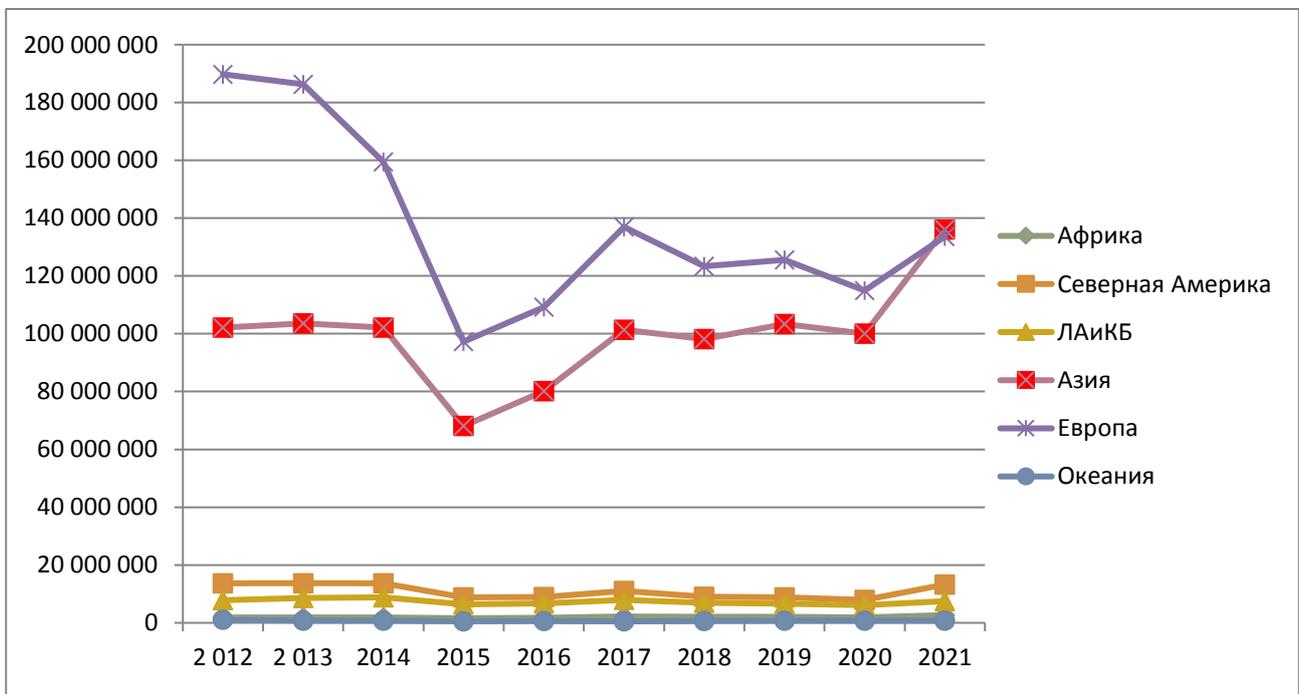

Рис. 3. Динамика импорта Российской Федерации из основных макрорегионов мира в 2012–2021 гг., тыс. долларов.

Источник: составлено по данным табл. 3.

Таблица 2.

Динамика экспорта Российской Федерации в основные макрорегионы мира в 2012–2021 гг., тыс. долларов

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Мир	524 766 421	527 265 919	497 833 529	343 907 652	301 780 443	379 206 606	451 494 828	426 720 333	337 103 970	499 345 127
Африка	9 663 719	7 222 798	8 450 119	7 353 765	11 619 685	15 178 052	17 401 809	13 935 024	11 878 475	14 542 558
Северная Америка	13 367 579	11 648 507	10 158 007	8 845 212	10 521 148	12 445 977	13 160 756	14 006 714	11 277 486	18 375 849
ЛАиКБ	6 987 111	8 215 785	6 321 195	4 904 221	6 040 190	7 017 897	8 096 881	6 454 522	4 626 060	12 114 268
Азия	136 855 856	147 663 354	146 374 187	107 790 361	109 065 667	140 555 425	164 944 790	162 453 443	142 498 086	206 856 045
в том числе										
Центральная	20 740 734	24 205 789	20 742 126	15 415 235	15 414 975	19 559 264	19 015 036	21 250 739	21 612 952	27 391 801
Восточная	71 867 880	79 305 120	82 026 385	60 556 038	55 387 349	71 232 990	93 419 046	90 841 949	77 129 814	114 882 620
Юго-Восточная	7 305 544	8 490 894	11 796 276	5 352 481	6 726 404	9 037 511	9 188 157	6 982 459	5 579 100	7 300 338
Южная	11 039 475	9 571 395	6 635 137	6 399 448	9 003 017	9 946 987	10 344 292	10 359 366	9 650 512	14 318 473
Западная	25 902 223	26 090 156	25 174 264	20 067 159	22 533 922	30 778 673	32 978 259	33 018 930	28 525 708	42 962 812
Европа	295 248 235	284 811 970	259 042 452	161 375 711	164 008 097	202 276 052	246 099 284	227 617 881	166 000 425	247 155 629
Океания	205 644	419 843	562 471	540 126	181 037	209 316	181 176	335 972	386 705	300 778

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Таблица 3.

Динамика импорта Российской Федерации из основных макрорегионов мира в 2012–2021 гг., тыс. долларов

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Мир	316 192 918	314 945 095	286 648 777	182 781 965	207 440 504	259 966 680	240 225 756	247 161 343	231 664 185	293 875 098
Африка	1 809 474	1 830 219	1 809 039	1 602 828	1 788 771	2 155 930	2 087 397	2 042 546	1 846 281	2 673 880
Северная Америка	13 670 948	13 727 632	13 725 347	8 874 037	8 945 392	10 990 831	9 086 871	8 788 426	7 929 800	13 185 709
ЛАиКБ	7 817 640	8 649 686	8 831 101	6 443 455	6 722 205	7 959 455	6 933 153	6 606 529	6 102 719	7 535 845
Азия	102 109 332	103 611 481	102 088 941	68 074 267	80 201 791	101 384 342	98 115 892	103 363 033	99 998 728	136 091 366
в том числе										
Центральная	9 945 015	8 157 218	8 642 130	6 352 461	6 218 626	7 580 572	7 594 486	8 419 497	7 309 019	9 499 241
Восточная	73 382 483	75 147 889	74 455 086	47 835 591	58 964 779	73 417 996	71 202 942	74 108 867	72 306 944	99 034 594
Юго-Восточная	5 748 959	6 147 484	6 224 693	5 142 243	6 631 362	8 900 717	7 584 685	7 631 034	7 427 038	10 539 874
Южная	3 455 985	3 773 286	3 700 676	2 845 013	3 563 875	4 448 053	4 269 279	4 829 386	4 529 691	6 276 124
Западная	9 576 889	10 385 604	9 066 355	5 898 959	4 823 149	7 037 004	7 464 499	8 374 250	8 426 036	10 741 532
Европа	189 750 514	186 348 783	159 463 030	97 239 696	109 185 321	136 983 964	123 332 698	125 549 190	114 997 848	133 627 380
Океания	1 035 010	777 293	731 318	547 654	597 024	492 159	669 745	811 608	788 808	760 919

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Очевидно, что, хотя Европа и остается пока (по итоговым данным ЮНКТАД за 2021 г.) ведущим внешнеторговым партнером России, но позиции этого макрорегиона по экспорту из РФ, и особенно по российскому импорту, постепенно изменялись в пользу Азии, особенно начиная с момента введения западных санкций. Так, если в 2012 г. доля Европы в экспорте Российской Федерации составляла 56,26%, а Азии — 26,08% (что почти в 2 раза меньше), то в 2021 г. эти доли достигали соответственно 49,5% и 41,4%, т. е. почти сравнялись (табл. 2 и рис. 2). А с учетом тенденций 2022 г., можно почти с полной уверенностью говорить о том, что Азия как макрорегион превзойдет по стоимостным показателям российского экспорта объемы отечественных товаров, поставляемые в Европу.

Аналогичные тенденции мы видим в отношении импорта (табл. 3 и рис. 3). Азиатские поставщики все более быстрыми темпами вытесняют европейских с российского рынка, весьма емкого и перспективного. Правда, стоит отметить, что европейские товары с российского рынка также вытесняются вследствие политики импортозамещения, проводимой Российской Федерацией с 2014 г.

Следовательно, Европа, и прежде всего ЕС, своими собственными санкциями лишает себя как российского экспорта, так и российского рынка, который все более активно занимают азиатские партнеры. И это еще более заметно в 2022 г. Стоит отметить, что, так как Российская Федерация остается одним из важнейших акторов мирового рынка, особенно в ряде стратегических его сегментов (энергетическом, продовольственном, на рынке удобрений), то изменение направленности российской внешней торговли оказывает влияние и на всю глобальную торговлю, трансформируя ее и повышая роль Азии в мировых торговых процессах. Тем самым подтверждается прогноз ряда авторов о дальнейшем росте как глобальных противоречий, так и дифференциации стран и их позиций в мировой экономике и торговле и изменении их рейтинга как торговых держав (Хасбулатов, Бяшарова, 2019).

Если проанализировать динамику внешнеторгового сотрудничества России с различными регионами Азии (рис. 4 и 5), то можно сделать следующие выводы. Первое место в качестве партнера по экспорту из России занимает Восточная Азия (рис. 4).

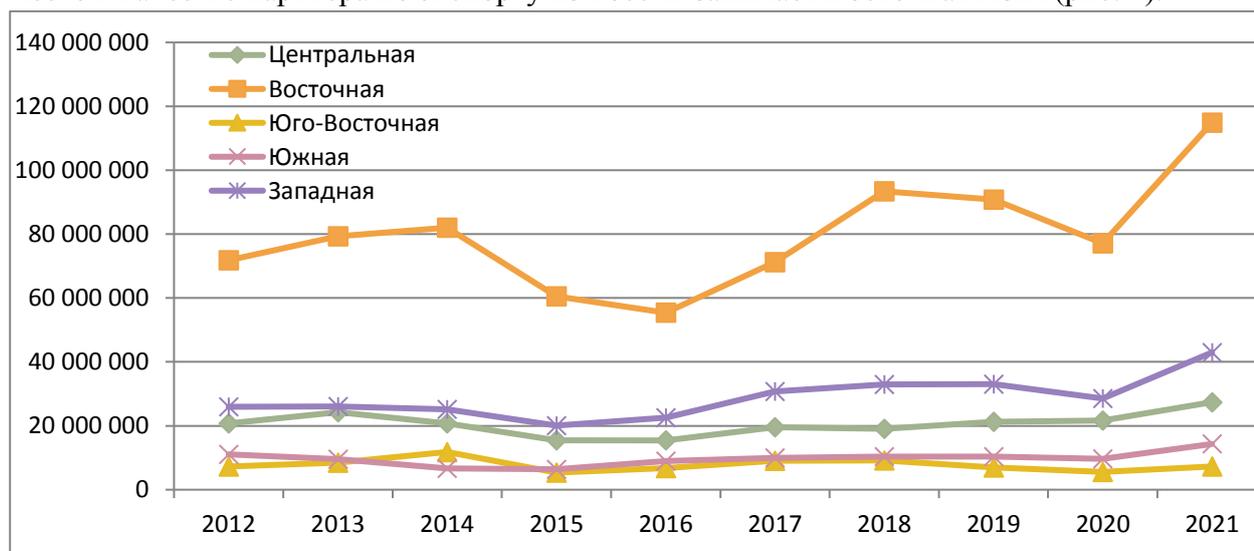

Рис. 4. Динамика экспорта Российской Федерации в основные регионы Азии в 2012–2021 гг., тыс. долларов.

Источник: составлено по данным табл. 2.

Восточная Азия представлена, главным образом, КНР как крупнейшим рынком для сбыта отечественной продукции. Стоимостной объем российского экспорта в Восточную Азию превысил экспорт во все остальные регионы в совокупности.

Но в то же время, как видно из рис. 4, 2-е место для российского экспорта занимают страны Западной Азии, где ведущим внешнеторговым партнером на сегодня выступают ОАЭ. На рынках всех регионов Азии Россия существенно увеличила свое присутствие (хотя и в различной степени), и ее экспорт достиг исторического максимума (за исключением Юго-Восточной Азии).

В отношении импорта России из Азии (рис. 5) однозначным лидером также остается Восточная Азия с 35%-м ростом объемов импорта в Россию за последние 10 лет.

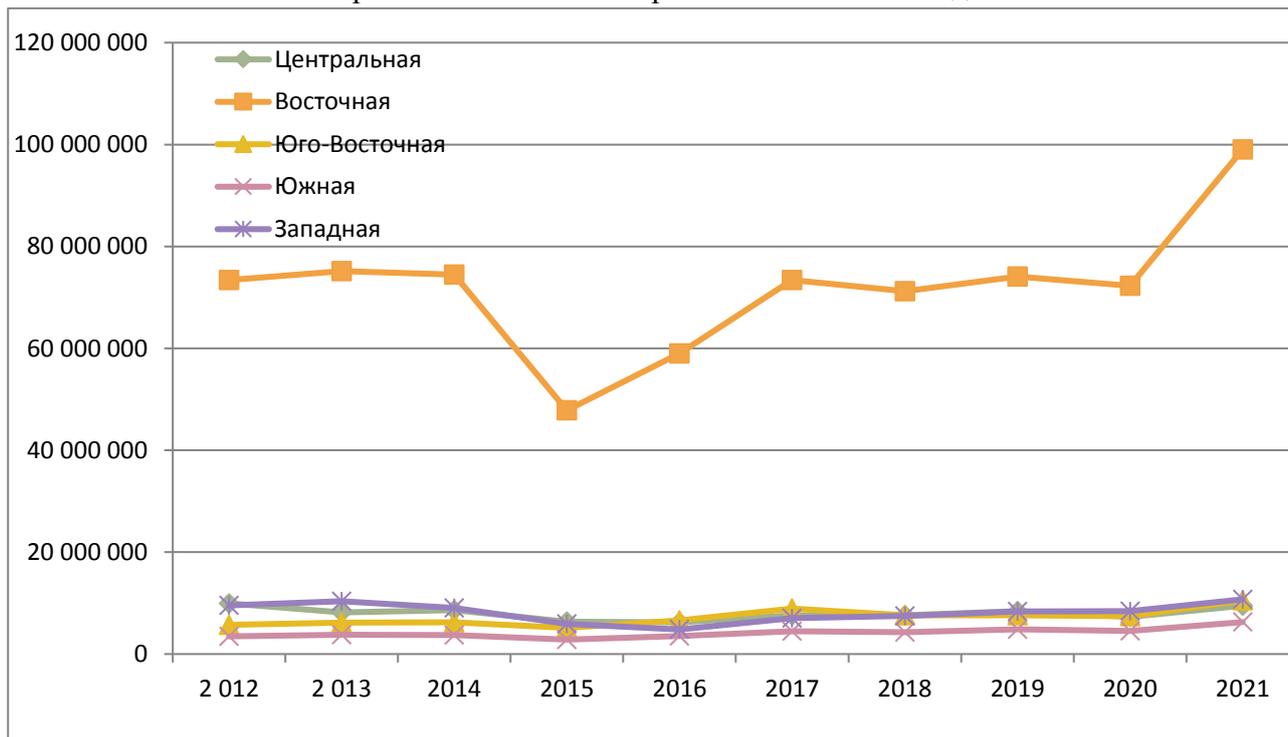

Рис. 5. Динамика импорта Российской Федерации из основных регионов Азии в 2012–2021 гг., тыс. долларов.

Источник: составлено по данным табл. 3.

Импорт (в различной степени) России вырос из всех основных регионов Азии, за исключением Центральной Азии. Торговля со всеми регионами остается несбалансированной при сохранении положительного сальдо внешней торговли для России. Стоит отметить, что взаимная торговля России с рядом стран Азии в том или ином объеме ведется вне долларовой зоны (в национальных валютах), что мы также рассматриваем в качестве трансформирующего мировую торговлю факта, который, к тому же, остается положительным для России и для ее внешнеторговых партнеров.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что роль Азии как макрорегиона мира во внешней торговле Российской Федерации и по импорту, и по экспорту существенно возросла за последнее десятилетие. Эту тенденцию, которая, по нашему

мнению, не только сохранится, но и упрочится с учетом тех процессов, которые имели место в 2022 г., мы можем рассматривать как положительную. Во-первых, странам Запада не удалось изолировать Россию от мирового рынка, во-вторых, наша страна не только получает валютную выручку, но и развивает внешнюю торговлю в национальной валюте, что упрочивает ее позиции на азиатских рынках, и, в-третьих, внешняя торговля России, трансформируясь, оказывает и трансформирующее влияние на глобальную торговлю в целом. В частности, рублевые платежи за экспорт российского газа в Европу, продемонстрировали, что в мировой торговле уже появились изменения.

В то же время процесс торговли с различными регионами Азии идет нелинейно, дифференцированно по регионам и временным периодам, а торговля остается несбалансированной по экспорту и импорту.

В этой связи считаем, что Российской Федерации важно обратить еще более пристальное внимание на этот географический сегмент национальной внешней торговли, так как именно Азия в перспективе будет последовательно усиливать свои позиции на глобальном рынке при их дальнейшей потере коллективным Западом в соответствии со сформировавшимися в последние 10 лет тенденциями. Для обеспечения национальной экономической безопасности Российской Федерации важно добиваться выравнивания внешнеторговых потоков и особенно стремиться к сокращению дифференциации объемов торговли с различными регионами и странами Азии. Это связано с тем, что в современных условиях национальная экономика России подвержена серьезным испытаниям в плане осуществления международных контактов, а ее внешнеторговая деятельность осуществляется в сложнейших условиях, и эти условия сохранятся, как минимум, в краткосрочной перспективе. Однако полагаем, что Российская Федерация сможет изменить эти условия собственными усилиями, в том числе и путем дальнейшего повышения роли стран Азии как внешнеторговых партнеров.

Список литературы

1. Афанасьева А. А. (2018) Трансформационные тенденции мировой экономики в условиях глобализации // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). № 2. 10 с. [Afanasyeva A. A. (2018) Transformational trends of the world economy in the context of globalization // A-factor: scientific research and development (humanities). No. 2. 10 p. (In Russian).]
2. Итоги внешней торговли России. Аналитика за 2021 г. // Ru-Stat. [Results of Russia's foreign trade. Analytics for 2021 // Ru-Stat. (In Russian).] URL: <https://ru-stat.com/analytics/9114>.
3. Линецкий А. Ф. (2022) Внешнеторговая деятельность России и субъектов федерации в современных геополитических условиях // Теория и практика общественного развития. № 5 (171). С. 29–34. [Linetsky A. F. (2022) Foreign trade activity of Russia and the subjects of the Federation in modern geopolitical conditions // Theory and practice of social development. No. 5 (171). Pp. 29–34. (In Russian).]
4. Международная торговля / Хасбулатов Р. И., Захарова Н. В., Кузнецова Г. В., Подбиралина Г. В., Бяшарова А. Р., Ачалова Л. В., Хасбулатов О. Р., Спартак А. Н., Савина Н. П., Золотова Е. В., Тюрина О. А. Учебник / Москва, 2019. Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс (2-е издание, переработанное и дополненное). [International

trade / Khasbulatov R. I., Zakharova N. V., Kuznetsova G. V., Podbiralina G. V., Byasharova A. R., Achalova L. V., Khasbulatov O. R., Spartak A. N., Savina N. P., Zolotova E. V., Tyurina O. A. Textbook / Moscow, 2019. Ser. 61 Bachelor's and Master's degrees. Academic Course (2nd edition, revised and expanded). (In Russian).]

5. Меланьина М. В. (2018) Современные тенденции изменения страновой структуры внешней торговли России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 12А. С. 453–459. [Melanyina M. V. (2018) Current trends in the country structure of Russia's foreign trade // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. Vol. 8. No. 12A. Pp. 453–459. (In Russian).]

6. Спартак А. Н., Лихачев А. Е. (2018) Долговременные тренды и новые явления в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. № 2. С. 7–24. [Spartak A. N., Likhachev A. E. (2018) Long-term trends and new phenomena in international trade // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 2. Pp. 7–24. (In Russian).]

7. Хасбулатов Р. И., Бяшарова А. Р. (2019) XXI век: некоторые особенности мирового экономического развития // Международная экономика. № 11. С. 6–21. [Khasbulatov R. I., Byasharova A. R. (2019) XXI century: some features of world economic development // International economics. No. 11. Pp. 6–21. (In Russian).]

8. UNCTAD, 2020. Трансформация торговли и развития в расколотом мире после пандемии. [UNCTAD, 2020. The transformation of trade and development in a fractured post-pandemic world. (In Russian).] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osg2020d2_ru.pdf

9. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Transformation of Russia's Foreign Trade and the role of Asian countries

Lyudmila V. Shkvarya,

Doctor of Economics, Professor, Department of Political Economy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

In modern conditions of post-globalization and increased sanctions pressure for the Russian Federation, the task of finding new foreign trade partners for the development of mutually beneficial trade and economic relations is being actualized. The article substantiates the point of view that Asia is already becoming the most significant macro-region from this point of view throughout its entire length. The author notes that the growth of mutual trade between the Russian Federation and Asian countries has grown significantly in the last 5 years — both under the influence of global factors, including growing and multilateral instability, and due to the steady and accelerated growth of the economic potential of Asian countries. The purpose of the article is to conduct a study of changes in the geography of Russia's foreign trade at the present time, as a result of its transformation in the period from 2012 to 2021, and to assess the prospects for the country's participation in the world market in the foreseeable future. To achieve this goal, the author applied both theoretical and empirical methods, including statistical, comparative analysis, graphic, etc. The data of domestic and international statistics are used as a basis for statistical analysis. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that, despite the existing difficulties in developing Asian markets, interest in such cooperation is growing in this macro-

region due to such features as the consistency of Russian foreign trade policy, a significant volume of the Russian market and the economic potential of the country as a whole. In general, the author considers the changes taking place as positive, although they require a more active and consistent policy in new markets.

Keywords: *Russian Federation, Asia, foreign trade cooperation, world trade, export, import.*

JEL codes: *F01, F14, O53.*

Восточная Азия как лидер глобальной индустрии видеоигр: факты и тенденции

Исаев Владимир Александрович¹

Паксютов Георгий Давидович²

В статье осуществлен анализ основных тенденций развития индустрии видеоигр, одной из важнейших отраслей «креативной экономики», в лидирующих в данной отрасли странах Восточной Азии — КНР, Японии и Южной Кореи. Демонстрируется, что восточноазиатские рынки и производители видеоигр в последнее десятилетие (2011–2021 гг.) добились успеха благодаря взаимодействию с развитым сектором потребительской электроники, культурным факторам, поддержке со стороны государства. Правительства Китая, Японии, Южной Кореи видят в экспорте видеоигр источник культурного влияния своих стран на мировой арене. Большой потенциал представляет наращивание сотрудничества между национальными индустриями, однако охлаждение политических отношений между КНР и США и их союзниками может ограничить это сотрудничество.

Ключевые слова: индустрия видеоигр, цифровая экономика, «мягкая сила», креативные индустрии, Восточная Азия.

JEL коды: L82, O53.

Введение

Индустрия видеоигр остается одной из наиболее динамично развивающихся и важных отраслей «креативного» сектора современной экономики. Популяризовавший понятие «креативная экономика» Дж. Хокинс в своей книге обозначил видеоигры как одну из 15-ти важнейших «креативных индустрий» и оценил стоимость данного рынка в 21 млрд долл. США (в 2005 г.) (Хокинс, 2011). В последующие годы, однако, индустрия видеоигр продемонстрировала колоссальные темпы роста, и еще прочнее утвердила свое значение. В 2021 г. совокупная стоимость мирового рынка видеоигр превысила 210 млрд долл. США, причем эксперты консалтинговой компании PwC прогнозируют, что в 2026 г. объем рынка составит свыше 320 млрд долл., т. е. более 10% от всех расходов на развлечения и медиа на планете (PwC, 2022). Помимо дохода, который в данном сегменте индустрии развлечений генерирует непосредственно продажа игр (и игрового оборудования), покупка аудиторией внутриигровых (цифровых) объектов и прочих дополнительных услуг, индустрия видеоигр создает экономическую ценность, способствуя продвижению, узнаваемости определенных

¹ *Исаев Владимир Александрович* — профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

² *Паксютов Георгий Давидович* — старший научный сотрудник, Центр японских исследований ИКСА РАН, Москва, Россия.

образов и сюжетов и таким образом повышая уровень спроса на другие виды развлекательного «контента» и товаров. Кроме того, эксперты отмечают, что игры удобны для вовлечения публики, потенциальных потребителей в «метавселенные», для продвижения цифровой рекламы и других инновационных методов маркетинга (PwC, 2022).

Пандемия *COVID-19* и связанные с ней карантинные ограничения нанесли существенный урон многим отраслям экономики, в том числе в «креативном» секторе (например, кинотеатральные сети потеряли значительную часть клиентов, что привело к снижению совокупного кинопроката на планете в 2020 г. более, чем на 70% по сравнению с предыдущим годом). Индустрия видеоигр, напротив, увеличила свою аудиторию, компенсируя для многих людей ставшие для них недоступными из-за карантина виды развлечений и даже компенсируя нехватку общения. В результате за период 2019–2021 гг. мировой рынок видеоигр вырос в цене на 32% (PwC, 2022).

Таблица 1.

Страны-лидеры по объему рынка видеоигр (в млрд долл. США) и количество лиц, играющих в видеоигры (в млн чел.) в этих странах, 2022 г.

Страна	Объем рынка	Количество игроков
Китай	45,8	742,2
США	45	197,2
Япония	20	78,1
Южная Корея	7,9	33,8
Германия	6,6	49,8
Великобритания	5,5	39,1
Франция	4,1	39,3
Канада	3,4	21,9
Италия	3	37,6
Бразилия	2,6	100,7

Источник: Newzoo.

Приведенная выше таблица (табл. 1) демонстрирует десятку стран с крупнейшими на планете рынками в индустрии видеоигр. Как можно видеть, в четверку стран-мировых лидеров, помимо США, входят Китай, Япония и Южная Корея — 3 страны, представляющие Восточную Азию. Похожая ситуация наблюдается и в статистике по ведущим странам-экспортерам видеоигр. Китай и Япония выступают крупнейшими в мире экспортерами видеоигр и сопутствующего оборудования (в сумме на них приходится около 65% мирового экспорта в данном сегменте экономики), также в пятерку глобальных лидеров входят Польша, Германия и США (Workman, 2022). Если рассматривать статистику международной торговли видеоиграми по континентам, крупнейшим экспортером является Азия (более 73% от совокупного мирового экспорта) (Workman, 2022). Ситуация на мировом рынке видеоигр, таким образом, ярко иллюстрирует более общие тенденции в международной торговле в цифровом сегменте экономики, где Азия также выступает в качестве ведущего экспортера (Шкваря, Фролова, 2022).

В данной статье мы намерены рассмотреть тенденции развития современной индустрии видеоигр в Китае, Японии и Южной Корее, а также перспективы взаимодействия стран в этой отрасли. Растущее экономическое значение индустрии и лидирующее положение в ней названных стран обуславливают актуальность нашего исследования.

Обзор литературы

В статье (Валиахметова, Билоброва, 2019) детально рассматривается история становления японской индустрии видеоигр как глобального лидера. Авторы подчеркивают, что развитие национальной индустрии видеоигр стало возможным благодаря наличию в Японии мощного сектора электротехники и бытовой электроники, а также интеграции кадрового потенциала разных отраслей индустрии развлечений (т. е., например, сотрудничество создателей видеоигр с создателями анимации, комиксов и т. п.).

Динамичный рост рынка видеоигр в Китае, где колоссальная по размерам потребительская база позволила национальной индустрии в быстром темпе выйти на лидирующие в мире позиции, также привлек в последние годы внимание исследователей. Так, в статье (Xi et al., 2022) развитие китайской индустрии видеоигр рассматривается через призму региональных кластеров. В качестве «локомотивов» индустрии определены Пекин, Цзянсу и Гуандун. Авторы статьи называют ключевыми факторами для формирования инновационного кластера в индустрии видеоигр доступность образованных кадров, инвестиции в НИОКР, наличие высокотехнологичной инфраструктуры и др.

Авторы статьи (Bai et al., 2022) рассматривают рост рынка видеоигр в КНР в контексте развития национальных «культурных индустрий», особенно отмечая, что индустрия видеоигр смогла перекаленифицироваться с «не-креативных задач» (например, как исполнитель некоторых услуг, переданных на аутсорсинг компаниями из США или Японии) на развитие собственных проектов благодаря совершенствованию в стране цифровых технологий.

Автор статьи (Ahn, 2021) утверждает, что Восточная и Юго-Восточная Азия стали лидирующими регионами в глобальной индустрии видеоигр, и связывает это, в том числе, с культурными особенностями: например, утверждается, что в Южной Корее видеоигры выступают в качестве распространенного способа наладить социальные связи.

Результаты исследования

Согласно некоторым исследованиям (Kim, Kang, 2021), развитие индустрии видеоигр в Восточной Азии выглядело следующим образом: на первом этапе (1980-е гг.) усилиями таких компаний, как *Nintendo*, Япония стала глобальным лидером в индустрии, потеснив США. Позднее Южная Корея смогла войти в число ведущих в индустрии стран — в первую очередь, благодаря сегменту онлайн-игр. Наконец, в последние годы укрепил свои позиции Китай, причем опорой развития национальной индустрии стали мобильные игры. В результате история развития региональной индустрии видеоигр в целом повторяет (с определенным временным лагом) последовательность индустриализации экономик стран Восточной Азии.

Помимо культурных и технологических (по наблюдению исследователей, «Восточная Азия больше других регионов выиграла благодаря взаимодействию цифрового оборудования и индустрии контента», но это мнение о мощном секторе электротехники как залого развития японской индустрии видеоигр можно в определенной степени перенести также на Южную Корею и КНР) факторов успеха национальных индустрий, необходимо заметить, что в Японии, Южной Корее, Китае индустрия видеоигр получила значительную поддержку со

стороны государства. Как утверждается в исследовательской литературе, рост восточноазиатских индустрий видеоигр стал возможен благодаря тесному сотрудничеству между правительствами и бизнес-сообществом (Holroyd, 2019).

Помимо ее экономического значения, индустрия видеоигр привлекает государственную поддержку еще и потому, что служит эффективным современным инструментом для распространения культурных образов и символов, для наращивания культурного влияния, или «мягкой силы», страны-производителя. В Китае значение видеоигр как источника «мягкой силы» признано на правительственном уровне: так, в 2021 г. в стране с целью увеличения культурного экспорта при участии Отдела пропаганды ЦК КПК, Министерства коммерции и МИД КНР была подготовлена стратегия развития «культурных экспортных центров», одним из приоритетов которой является экспорт видеоигр (Feng, 2021). Эксперты отрасли связывают со стратегией культурного влияния КНР и масштабные инвестиции китайских холдингов в производителей видеоигр из других стран (например, приобретение британского разработчика игр *Sumo* китайским *Tencent* более, чем за 1,2 млрд долл.).

В Японии государственная поддержка и продвижение «креативных отраслей» осуществляются преимущественно в рамках стратегии «*Cool Japan*», осуществляемой с 2010 г. под эгидой Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТИ). Стратегия преследует как экономические цели («оживление» японской экономики в условиях стагнирующего внутреннего рынка), так и внешнеполитические (по формулировке И. Л. Тимониной, «укрепление японского национального бренда и его продвижение за рубежом») (Тимонина, 2017). В официальных документах стратегии «*Cool Japan*» видеоигры выделяются как одна из ключевых креативных индустрий Японии, интересных иностранцам, причем особо подчеркивается, что именно на эту отрасль приходится подавляющее большинство (более 90%) экспорта японского развлекательного контента (Ministry of Economy, Trade and Industry, 2012).

В Южной Корее развитие и продвижение за рубеж индустрии видеоигр выступает одним из ключевых направлений деятельности КОССА — «Корейского агентства креативного контента», главной в стране правительственной структуры, отвечающей за поддержку национальных медиа и креативных индустрий (Otmazgin, 2020). КОССА оказывает индустрии инфраструктурную, технологическую и финансовую помощь.

Несмотря на то, что индустрию видеоигр в Китае, Японии и Южной Корее объединяют лидирующие позиции на глобальной арене, а также сходные факторы успеха национальных индустрий, между положением индустрии видеоигр в этих странах есть и существенные различия. Так, если обратить внимание (см. табл. 2) на перечень ведущих мировых компаний по стоимостному объему выручки на рынке видеоигр, обращает на себя внимание сохраняющееся глобальное лидерство таких японских гигантов, как *Nintendo* и *Sony*, в то время как южнокорейским производителям пока не удается добиться столь существенных успехов. Несмотря на значительные расходы населения Южной Кореи на игры (см. табл. 1), на национальном рынке этой страны в основном доминируют иностранные компании и их продукция.

Примечательно также, что Китай и Южная Корея входят в число мировых лидеров по экономическому значению киберспорта, в то время как Япония в данном сегменте индустрии развлечений занимает куда более скромные позиции.

Таблица 2.

Лидирующие компании по выручке на рынке видеоигр (в млрд долл. США) и страны их базирования, 2021 г.

Название	Доход от сегмента игр	Страна
<i>Sony</i>	24,9	Япония
<i>Microsoft</i>	16,3	США
<i>Nintendo</i>	15,3	Япония
<i>Tencent</i>	13,9	КНР
<i>Activision Blizzard</i>	8,8	США
<i>Electronic Arts</i>	5,6	США
<i>Epic Games</i>	5,1	США
<i>Take-Two Interactive</i>	3,4	США
<i>Ubisoft</i>	2,5	Франция
<i>Bandai Namco</i>	2	Япония

Источник: All Top Everything, 2022.

По оценкам на 2023 г., совокупная стоимость рынка киберспорта в КНР составит более 440 млн долл., или около 27% мирового рынка. Пятерка лидирующих стран мира по объему данного рынка: Китай, США, Южная Корея, Германия, Великобритания (eSports Worldwide, Statista, 2022). Исследователи отмечают, что «поддержка правительства вносит значительный вклад в развитие киберспорта в Китае и в Южной Корее... Киберспорт поддерживается политикой, законами и финансируется средствами бюджетов» (Аверин и др., 2021), в то время как в Японии киберспорт пользуется весьма ограниченной поддержкой со стороны правительства и СМИ, и развитие в данной сфере существенно сдерживают строгие законы и регулирующие документы (Yin, Asakawa, 2019).

Ниже приведен график (рис. 1), демонстрирующий динамику объема китайского рынка видеоигр за период 2008–2021 гг.

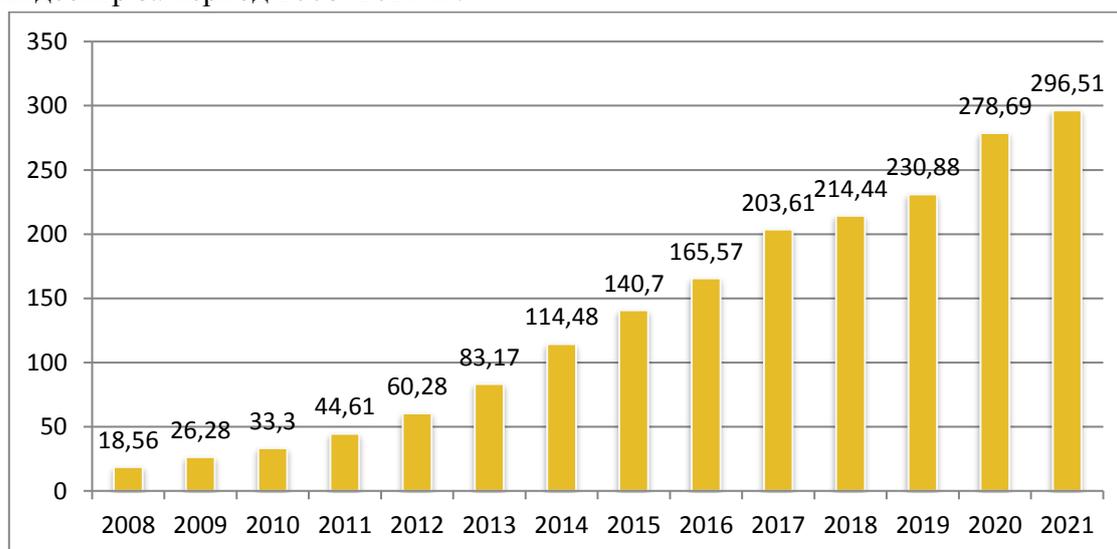

Рис. 1. Объем китайского рынка видеоигр (в млрд юаней), 2008–2021 гг.

Источник: Video Games Revenue in China (2022) Statista.

Как можно видеть на рис. 1, за последние 10 лет рынок увеличился более, чем на 500%.

Приведенный ниже график (рис. 2) показывает динамику рынка видеоигр в Китае с точки зрения такого показателя, как количество потребителей. Как можно видеть, за достаточно короткий срок (2014–2020 гг.) количество клиентов индустрии увеличилось почти на 150 млн чел., т. е. на 28,5%. Разумеется, этот колоссальный рост стал возможен благодаря размеру населения КНР, росту его благосостояния, растущей обеспеченности смартфонами и скоростным доступом к сети Интернет.

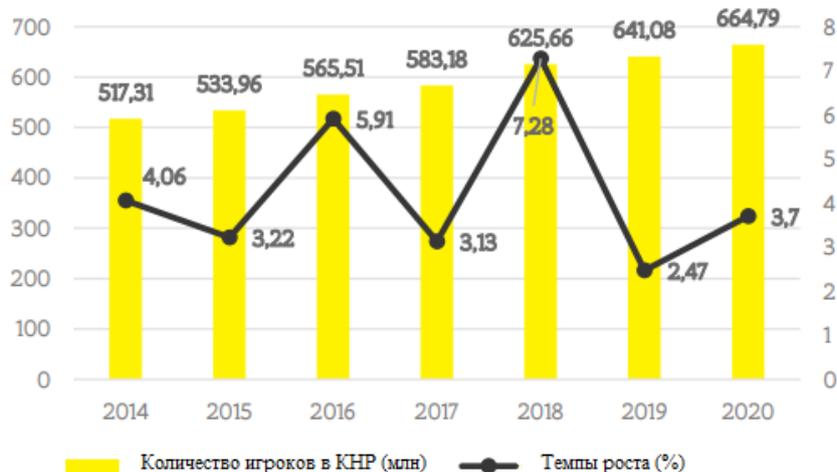

Рис. 2. Количество потребителей на рынке видеоигр КНР (в млн чел.) и годовые темпы роста данного показателя (в %), 2014–2020 гг.

Источник: Flanders Investment & Trade, 2021.

Ниже приведен график, отражающий динамику и структуру рынка видеоигр в Японии за период 2011–2020 гг. (рис. 3). Как можно видеть, за рассмотренный период увеличение объема рынка происходило в основном за счет резкого роста в сегменте мобильных игр.

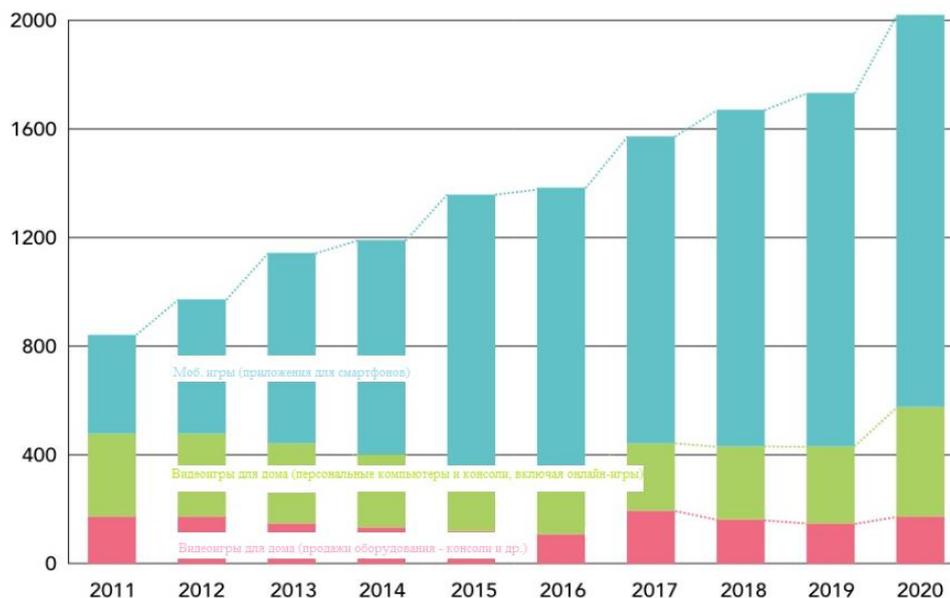

Рис. 3. Объем рынка видеоигр Японии (в млрд иен) по сегментам: мобильные игры, игры для ПК и консолей, игровое оборудование, 2011–2020 гг.

Источник: FreakOut, 2021.

График (рис. 4), приведенный ниже, демонстрирует динамику объема южнокорейского рынка видеоигр за период 2007–2021 гг. Примечательно, что за период 2019–2021 гг. на фоне пандемии *COVID-19* рынок (в номинальном выражении) увеличился более, чем на треть.

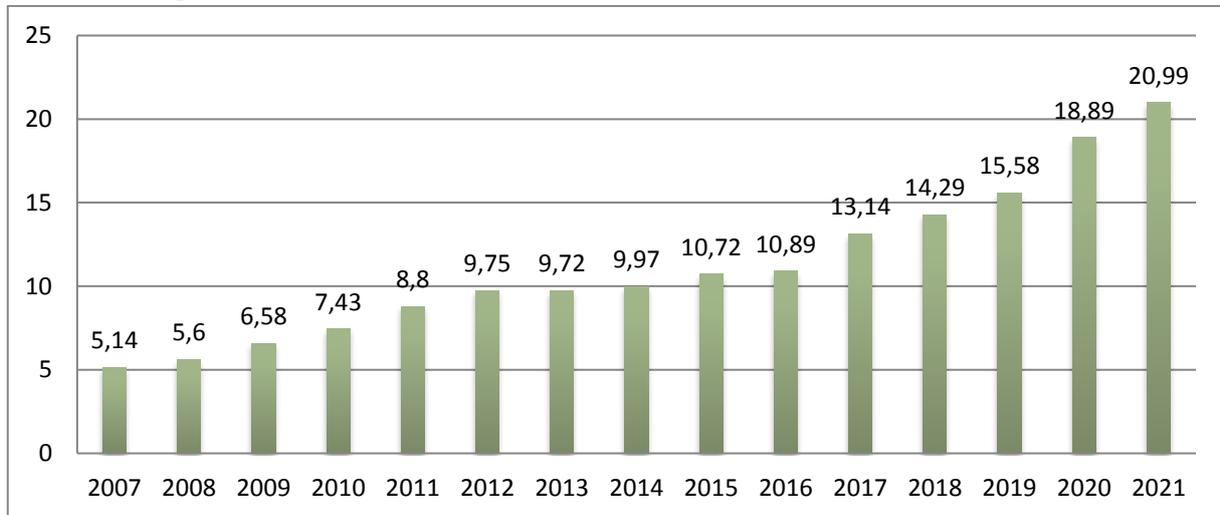

Рис. 4. Объем рынка видеоигр Южной Кореи (в трлн. вон), 2007-2021 гг.

Источник: Size of the gaming market in South Korea (2022) Statista.

Что касается перспектив развития восточноазиатских индустрий видеоигр, рынок Китая, на наш взгляд, в ближайшие годы может продемонстрировать достаточно быстрый рост и еще больше упрочить свои позиции. Средние расходы китайских потребителей на рынке видеоигр пока что намного ниже, чем в США или Японии (см. табл. 1), и по мере роста располагаемого дохода населения и расходов на развлечения и медиа рынок видеоигр КНР будет увеличиваться. Наиболее важный фактор, который в перспективе может сдерживать рост китайского рынка видеоигр — это ужесточение контроля, ограничительные меры со стороны государства. В апреле 2021 г. правительство КНР приняло пакет мер, одна из главных целей которого — защита несовершеннолетних от игровой зависимости (Chen, 2022). В частности, несовершеннолетним детям было разрешено играть в видеоигры не более 3 часов в неделю; помимо этого, были ужесточены правила лицензирования игр (Chen, 2022). По оценке экспертов, прямой эффект данных мер на доходы индустрии пока что минимален (Chen, 2022). В более долгосрочной перспективе регулирующие меры могут ограничить рост национального рынка, но в то же время они стали фактором, способным побудить местных производителей диверсифицировать свои источники дохода и активнее продвигать свою продукцию на внешние рынки.

Рынок видеоигр Японии находится под давлением негативных демографических трендов: сокращения и старения населения. Так, PwC прогнозирует рост рынка развлечений и медиа в Японии в 2022–2026 гг. в среднем на 1,4% ежегодно, что значительно ниже ожидаемых в тот же период среднемировых темпов роста (PwC, 2022). В этой ситуации для японских производителей видеоигр естественной является экспортная ориентация на огромный и не исчерпавший потенциал роста китайский рынок.

Ярким примером возможной синергии между китайской и японской индустрией является глобальный успех игры *Genshin Impact*. Выпущенная в конце 2020 г. китайским производителем *miHoYo* игра заработала более 3 млрд долл., из которых более 20% — в Японии (Obedkov, 2022). Обозреватели индустрии отмечают, что игра является «практически

идеальной копией» японских игр соответствующего жанра (Dooley, Mozur, 2022). Игроки из Японии восприняли *Genshin Impact* как подражание играм в жанре фэнтези из популярной в Стране Восходящего солнца серии *The Legend of Zelda* (Dooley, Mozur, 2022).

Важно отметить: при том, что на китайском рынке видеоигр доминируют национальные производители, крупнейшим экспортером игр в страну является Япония (Niko, 2020). Этот факт подчеркивает близость вкусов, предпочтений игроков из КНР и Японии, благодаря чему особенно перспективными становятся совместные проекты производителей игр из этих стран. Международный успех *Genshin Impact* также демонстрирует, что сочетание китайских инвестиций и современных технологических возможностей и опробованных в японской игровой индустрии ноу-хау и культурных образов может позволить создавать конкурентоспособную продукцию для экспорта в другие страны Азии, США, Европу. Таким образом, пример, индустрии видеоигр подтверждает наблюдение исследователей, что для развития цифровой экономики Китая большой потенциал представляет расширение международной кооперации (Shkvarya, Hailing, 2021).

Китайские компании достаточно активно инвестируют в японских производителей видеоигр: к примеру, в ноябре 2021 г. (т. е. после введения в КНР пакета регулирующих индустрию мер) холдинг *Tencent* приобрел пакет в 90% акций японского разработчика *Wake Up Interactive*, участвовавшего в создании некоторых игр совместно с *Nintendo* (Tech Xplore, 2021). Однако более масштабное сотрудничество между национальными индустриями, несмотря на его экономическую привлекательность, находится под вопросом из-за нарастающих политических трений между КНР и США, а также их союзниками, включая Японию и Южную Корею. Несмотря на то, что КНР является важнейшим экономическим партнером для Японии и Южной Кореи, политическая напряженность побуждает восточноазиатских союзников США к «декаплингу», ограничению сотрудничества с Китаем в высокотехнологичных отраслях (например, индустрии полупроводников) (Паксютов, 2022). Индустрия видеоигр — это отрасль экономики, задействующая высокие технологии, в том числе информационные; видеоигры, как мы показали выше, являются немаловажной составляющей национальных стратегий «мягкой силы», и потому могут попасть под ограничения в случае, если существующие противоречия будут обостряться. Яркое тому свидетельство — действовавший в Китае в 2017–2020 гг. запрет на южнокорейские игры, последовавший за дипломатическим конфликтом между странами (Song, 2020).

Заключение

Благодаря культурным и технологическим факторам, масштабной государственной поддержке Восточная Азия стала лидирующим регионом мира в сфере видеоигр. КНР, Япония, Южная Корея входят в число стран с самыми крупными рынками видеоигр, при этом КНР и Япония являются крупнейшими экспортерами игр, а КНР и Южная Корея — страны-лидеры в области киберспорта. Экспорт видеоигр для этих стран имеет не только экономическое значение — он занимает видное место в национальных стратегиях «мягкой силы», способствует формированию привлекательного образа на международной арене. Определенные риски для индустрии видеоигр Японии представляют демографические процессы (сокращение, старение населения страны), а для китайских производителей — ужесточение регулирования отрасли со стороны государства. Большой потенциал для данных национальных индустрий представляет интенсификация сотрудничества, совместное

создание продукции. Реализация этого потенциала зависит от динамики экономических и политических отношений между странами Восточной Азии и США.

Список литературы

1. Аверин А. В., Поздняков К. К., Андреев Н. В. (2021) Детерминанты регулирования киберспорта: сравнительный анализ России, Южной Кореи и Китая // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 5. С. 75–88. [Averin A. V., Pozdnyakov K. K., Andreev N. V. (2021) Determinants of esports regulation: a comparative analysis of Russia, South Korea and China // ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice. No. 5. Pp. 75–88. (In Russian).] DOI: 10.24412/2071-6435-2021-5-75-88
2. Валиахметова Г. Н., Билоброва А. Е. (2019) Особенности становления и развития индустрии видеоигр Японии в последней четверти XX–XXI веке // Научный диалог. № 11. С. 245–257. [Valiahmetova G. N., Bilobrova A. E. (2019) Features of the Formation and Development of the Video Game Industry in Japan in the Last Quarter of the XX–XXI Centuries // Nauchnyi dialog. No. 11. Pp. 245–257. (In Russian).] DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-245-257
3. Паксютов Г. Д. (2022) Японская индустрия полупроводников: актуальные тенденции и стратегическое значение // Проблемы Дальнего Востока. № 6. С. 113–124. [Paksiutov G. D. Japan's Semiconductor Industry: Topical Trends and Strategic Importance // Far Eastern Affairs. No. 6. Pp. 113–124. (In Russian).] DOI: 10.31857/S013128120023340-5
4. Тимонина И. Л. (2017) Япония: стратегия продвижения креативных отраслей за рубеж // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 4. С. 29–39 [Timonina I. L. (2017) Japan: A Strategy for the Promotion of the Creative Industries Abroad // Moscow University Oriental Studies Bulletin. No. 4. Pp. 29–39. (In Russian).]
5. Хокинс Дж. (2011) Креативная экономика. М.: ИД «Классика-XXI». [Howkins J. (2011) The Creative Economy. Moscow: ID «Klassika-XXI». (In Russian).]
6. Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. (2022) Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. Т. 18. № 2. С. 479–493. [Shkvarya L. V., Frolova E. D. (2022) Comparative Analysis of Foreign Trade Development in the Digital Segment by World Regions // Economy of Regions. Vol. 18. No. 2. Pp. 479–493. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13. (In Russian).]
7. Anh P. Q. (2021) Shifting the Focus to East and Southeast Asia: A Critical Review of Regional Game Research // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. Vol. 14. No. 2. Pp. 173–196. DOI: 10.1007/s40647-021-00317-7
8. All Top Everything (2022). Top 10 Biggest Video Game Companies in the World. URL: <https://www.alltopeverything.com/top-10-biggest-video-game-companies/>
9. Bai D. et al. (2022) Esports Industry, Video Game Industry and Economic Growth: An Empirical Research in China // SSRN, April 3. URL: <https://ssrn.com/abstract=4074000>
10. Chen F. (2022) How Chinese Games Regulations are Disrupting the Games Market Inside China and Out // Newzoo, November 9. URL: <https://newzoo.com/insights/articles/how-chinese-games-regulations-are-disrupting-the-games-market-inside-china-and-out>
11. Dooley B., Mozur P. (2022) Beating Japan at its own (Video) Game // The New York Times, March 16. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/16/business/genshin-impact-china-japan.html>

12. eSports Worldwide (2022) Statista URL: <https://www.statista.com/outlook/amo/esports/worldwide>
13. Feng C. (2021) China in ‘culture export’ push as it seeks to expand soft power overseas with global media platforms. *South China Morning Post*, October 29. URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-trends/article/3154198/china-culture-export-push-it-seeks-expand-soft-power-overseas>
14. Flanders Investment & Trade (2021) The Gaming & E-sports Market in China. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwj8_C899P8AhUG_SoKHWemB9sQFnoECCwQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.flandersinvestmentandtrade.com%2Fexport%2Fsites%2Ftrade%2Ffiles%2Fmarket_studies%2F2021%2520Market%2520Research%2520Gaming%2520%2526%2520E-sports%2520Industry%2520in%2520China.pdf&usg=AOvVaw0wi83DkN2EOXF8zWwe3gJU
15. FreakOut (2021) The Latest Trends of Japan’s Game Market. URL: <https://insight.freakout.net/the-latest-trends-of-japans-game-market-which-is-3rd-largest-in-the-world/>
16. Holroyd C. (2019) Digital content promotion in Japan and South Korea: Government strategies for an emerging economic sector // *Asia & the Pacific Policy Studies*. Vol. 6. No. 3. Pp. 290–307. DOI: 10.1002/app5.277.
17. Kim J. Y., Kang S. H. (2021) Windows of opportunity, capability and catch-up: the Chinese game industry // *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 51. No. 1. Pp. 132–156. DOI: 10.1080/00472336.2019.1656761
18. Ministry of Economy, Trade and Industry (2012). Cool Japan Strategy. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/120116_01a.pdf
19. Newzoo (2022) Top 10 Countries/Markets by Game Revenues. URL: <https://newzoo.com/insights/rankings/top-10-countries-by-game-revenues>
20. Niko (2020). What’s behind Japan’s #1 Share in China’s Games Market. URL: <https://nikopartners.com/japan-china/>
21. Obedkov E. (2022) Genshin Impact Reaches 3 Billion in Player Spending on iOS and Android // *Game World Observer*, January 12. URL: <https://gameworldobserver.com/2022/01/12/genshin-impact-reaches-3-billion-in-player-spending-on-ios-and-android>
22. Otmazgin N. (2020) State Intervention Does Not Support the Development of the Media Sector: Lessons from Korea and Japan // *Global Policy*. 2020. Vol. 11. Pp. 40–46. DOI: 10.1111/1758-5899.12821
23. PwC (2022). The Global Entertainment & Media Outlook 2022–2026. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/entertainment-media/outlook/downloads/pwc-outlook22-v4.pdf>.
24. Shead S. (2021) Chinese tech giants are snapping up gaming studios around the world. *CNBC*, July 28. URL: <https://www.cnn.com/2021/07/28/chinese-tech-giants-are-snapping-up-gaming-studios-around-the-world.html>
25. Shkvarya L. V., Hailing Y. (2021) Digital Economy in China: Modern Trends. In: Popkova E. G., Sergi B. S. (eds.) // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. Institute of Scientific Communications Conference. Cham: Springer. Pp. 1209–1216. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_131

26. Song J. (2020) China approves first sale of Korean video game in four years // Financial Times, December 3. URL: <https://www.ft.com/content/81573961-7134-4687-986b-f9db0b566b5b>
27. Size of the gaming market in South Korea (2022) Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/825058/south-korea-gaming-industry-size/>
28. Tech Xplore (2021) China's Tencent Buys Japanese Game Designer. URL: <https://techxplore.com/news/2021-11-china-tencent-japanese-game.html>
29. Video Games Revenue in China (2022) Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/322200/video-game-revenue-in-china/>
30. Workman D. (2022) Top Video Games Exports by Country // World's Top Exports, October 26. URL: <https://www.worldstopexports.com/top-video-games-exports-by-country/#:~:text=The%205%20biggest%20video%20games,video%20game%20sales%20in%202021>
31. Xi X., Baoxing X., Chenglin M., Rongjian Y., Jie X., Rong X., Feng H. (2022) Factors influencing technological innovation efficiency in the Chinese video game industry: Applying the meta-frontier approach // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 178. Is. 7: 121–574. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121574
32. Yin Z., Asakawa K. (2019) An analysis on Japan esports industry: key factors that influence the diffusion and adoption of Japan esports. Keio University. URL: https://koara.lib.keio.ac.jp/xoonips/modules/xoonips/download.php/KO40003001-00002019-3537.pdf?file_id=150485

East Asia as a Leader of the Global Video Games Industry: Facts and Trends

Vladimir A. Isaev,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute for Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

Georgii D. Paksiutov,

senior research fellow, Center for Japanese studies, Institute of China and Contemporary Asian Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

The article analyses the main trends of development of the video games industries (one of the most important industries comprising the creative economy) in three East Asian countries leading in the sector — China, Japan and South Korea. We demonstrate that the East Asian markets and game producers' success is due to cooperation with the strong consumer electronics sector, cultural factors and the state support. The governments of China, Japan, South Korea consider video games exports to be a powerful tool for increasing their countries' cultural influence on the international arena. Increased cooperation between the three countries' video game industries promises major benefits, but the current political tensions between the PRC and the US and its allies could limit the possibilities for such cooperation.

Key words: Video games industry, digital economy, soft power, creative industries, East Asia.

JEL codes: L82, O53.

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Сирийская экономика и возможности ее восстановления

Аль Хумсси Ахмад¹

Исследование посвящено изучению развития экономики Сирийской Народной Республики с 1946 г. по настоящее время. Сегодня все еще недостаточно опубликовано комплексных научных исследований на эту тему. Целью статьи является оценка перспектив и возможностей восстановления и развития экономики Сирии в постконфликтном (послевоенном) периоде и выявление тех условий и факторов, которые необходимы для устойчивого развития страны в перспективе. Для определения способности сирийской экономики к восстановлению в работе были проанализированы экономические данные разных периодов: довоенном, военном и послевоенном, выявлены особенности экономического развития Сирии на протяжении различных этапов. Для анализа использованы актуальные статистические данные международных организаций (UNCTAD и Мирового банка). Результаты исследования показывают, что сирийская экономика не может восстановиться в кратко- и даже среднесрочном периоде без политического решения сирийского кризиса, снятия экономических санкций, возвращения перемещенных лиц и реальной политической воли к переменам.

Ключевые слова: *Сирия, экономическое развитие, экономические особенности, возможности восстановления, послевоенный период, возможности восстановления.*

JEL коды: *F51, O11, O53, P11.*

Введение

Сирия — государство, расположенное на побережье Средиземного моря в ближневосточном регионе, где по количеству населения, в условиях устойчивого его роста, занимает 4-е место среди 14 региональных держав (после Турции, Саудовской Аравии и Йемена), а по площади — 6-е место, после Саудовской Аравии, Турции, Йемена, Ирака и Омана (см. табл. 1). Соответственно, Сирия в регионе Западной Азии — это достаточно крупная прибрежная страна, занимающая важное географическое положение. В то же время, по доле городского населения в общем количестве жителей Сирия занимает предпоследнее место в регионе, традиционно характеризующемся высокой степенью урбанизации, как видно из табл. 1.

Что касается социально-экономических аспектов, то стоит отметить, что Всемирный банк классифицирует сирийскую экономику как страну с самым низким средним уровнем дохода в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. При этом база сирийской

¹ Аль Хумсси Ахмад — кандидат экономических наук, доцент, Российский университет дружбы народов; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

экономики достаточно диверсифицирована. Экономика опирается далеко не только на природные ресурсы, ограниченные здесь, но и на обрабатывающие отрасли промышленности. Поэтому по объему ВВП на протяжении последней трети XX в. страна занимала 7-е место в регионе — до 2004 г. включительно. Однако с началом военного конфликта, т. е. с 2005 г., ситуация в сирийской экономической сфере, включая уровень душевых доходов, существенно ухудшилась. Стоит отметить, что в 1970 г. доля сирийской экономики в региональном показателе составляла 3,5%, а в 2020 г. — лишь 0,54%. За 2021 г. в международной базе UNCTAD, как и Всемирного банка, относительно стоимостного объема ВВП Сирийской Народной Республики данные не представлены.

Таблица 1.

Территории и население стран Западной Азии, 2022 г.

№ п/п	Флаг	Герб	Название	Площадь, км ²	Население, всего, тыс. человек	Городское население, % от общего
1.			Бахрейн (Королевство Бахрейн)	86 600	1 472	89,74
2.			Израиль (Государство Израиль)	20 770	9 038	92,76
3.			Иордания (Иорданское Хашимитское Королевство)	92 300	11 286	91,83
4.			Ирак (Республика Ирак)	437 072	44 496	71,35
5.			Кувейт (Государство Кувейт)	17 818	4 269	100,00
6.			Ливан (Ливанская Республика)	10 452	5 490	89,26

7.			Оман (Султанат Оман)	309 500	4 576	87,75
8.			Катар (Государство Катар)	11 437	2 695	99,32
9.			Саудовская Аравия (Королевство Саудовская Аравия)	2 218 000	36 409	84,73
10.			Палестина (Государство Палестина)	6 020	5 250	77,29
11.			Сирия (Сирийская Арабская Республика)	185 180	22 125	56,77
12.			Турция (Турецкая Республика)	780 580	85 341	77,02
13.			ОАЭ (Объединенн ые Арабские Эмираты)	83 600	9 441	87,54
14.			Йемен (Йеменская Республика)	527 970	33 697	39,19

Источник: составлено автором.

Сирийская экономика прошла несколько ключевых этапов в своем развитии, начиная с 1946 г. (год независимости от французской оккупации) до 2023 г., и некоторые из них были периодами процветания, а другие — упадка. Но все они в той или иной мере не только обеспечили ей определенный уровень ее потенциала, который страна имеет в настоящее время, но заложили и те возможности, которые, по нашему мнению, могли бы стать базой для преодоления сложившихся в последнее десятилетие сложностей и проблем.

На наш взгляд, основополагающее значение для экономики Сирии в XX в. имели следующие этапы, на протяжении которых происходили те или иные фундаментальные изменения и, собственно, сформировали существующую целостную социально-экономическую систему.

Первый — 1946–1958 гг. После обретения независимости от французской оккупации сельскохозяйственный сектор играл главную роль в сирийской экономике, а также в развитии промышленного сектора страны (как сырьевая база). Государство проявляло повышенное внимание к сельскохозяйственному сектору и населению, занятому в данной сфере, с целью обеспечения стабильности в ней. Это связано с особой важностью продовольственного сектора в период после Второй мировой войны и роста спроса на него в мире и в регионе, а также в Сирии, при одновременном росте цен на удобрения не только в Сирии, но и в мире в целом. При этом в Сирии, например, удобрения не производились. Все это требовало прямого вмешательства государства. Было важно осознать особенности национальной экономики после обретения независимости, сформулировать задачи развития, полноценно задействовать процесс государственного регулирования, который усилился позже в экономических процессах и в поиске механизмов контроля производственных отношений и движения рыночных сил. Таким образом, определились черты будущих экономических отношений между государством и обществом в новых условиях. Были установлены основные столпы развития сирийской экономики в перспективе, предполагавшее сочетание государственного регулирования и развития рыночных механизмов¹.

Второй период — 1958–1961 гг. В 1958 г. произошло образование Объединенной Арабской Республики (ОАР) между Сирией и Египтом, что и до настоящего времени сохраняет свое значение. Политика этого государства была направлена на дальнейшую активизацию государственного сектора и развития импортозамещения, что было важно для страны в постколониальном и послевоенном периоде (Mohsen, 2014). Например, созданный «Центр снабжения Ближнего Востока» в Каире представлял собой важное стержневое звено в рамках более широких и общих экономических преобразований. Таким образом, можно говорить о том, что в формировании основ национальных экономик страны Арабского мира оказывали друг другу содействие и зачастую действовали сообща, противопоставляя свои усилия внешним, как правило, западным, силам. Но союз между Сирией и Египтом продлился недолго. В 1961 г. произошел распад этого союза, и правительство Сирии

¹ Некоторые исследователи считают, что «...представление о том, как должно возникнуть национальное государство на Западе, не следует проецировать на опыт большинства стран третьего мира. На Западе после ожесточенных внешних войн, которые их народы вели друг против друга, возникли национальные государства. В странах третьего мира, когда народы, в свою очередь, создавали свои национальные государства, это происходило не в результате внешних войн, которые они вели против других. Скорее, это произошло эмпирическим путем, на основе собственного опыта каждого из них в национально-освободительной борьбе, чтобы избавиться от колонизатора, пришедшего вторгнуться в нее. Значит, это произошло как реакция, а не по замыслу» (Sadowski, 1958, p. 164-166). К этому еще можно прибавить «участие» колонизаторов в формировании границ стран Азии и Африки, далеко не всегда принимая во внимание интересы проживающего там населения. Примером является курдский народ, разделенный между четырьмя странами — Сирией, Турцией, Ираном и Ираком, что является серьезной региональной проблемой.

приостановило процедуры национализации и движения сирийской экономики к социализму (Ibrahim Jalal Ahmed, 2010).

После того, как Сирия начала разрабатывать всеобъемлющие планы развития, обнародовав закон об аграрной реформе в 1958 г., были приняты новые законы и подготовлены пятилетние планы экономического и социального развития, начиная с 1960 г., и эти планы продолжают приниматься до настоящего времени. Стоит отметить, что эти планы направлены на достижение общих целей, в первую очередь на преобразование экономической структуры в направлении создания развитой сельскохозяйственной и промышленной экономики, которая станет основой для достижения устойчивого развития в перспективе (Ramadan Ahmad Al-Omar, 2022, p. 51).

Третий этап — 1960-е гг. Экономика страны поддерживалась углеводородным сегментом на фоне высоких цен на нефть на мировом рынке. Выросли переводы сирийских иммигрантов, работавших в нефтеизбыточных странах Западной Азии, увеличилась иностранная помощь развитию, умножились вложения в социальную сферу и инфраструктуру.

Четвертый этап (1970–1980 гг.) ознаменовался разработкой правительством нового политического направления, призванного повысить роль частного сектора, и обеспечение на этой основе своего рода экономического плюрализма в стране. В этот период сирийское правительство работало над снижением ограничений на импорт для частного сектора и достижением большей экономической открытости (AlMosabbeh, 2013).

За 1970–1980 гг. объем ВВП Сирии вырос в 7,5 раза, что оказалось несколько ниже роста среднерегионального ВВП, увеличившегося за 10 лет в 8,3 раза. Но страна заняла 7-е место в регионе по производству ВВП (рис. 1).

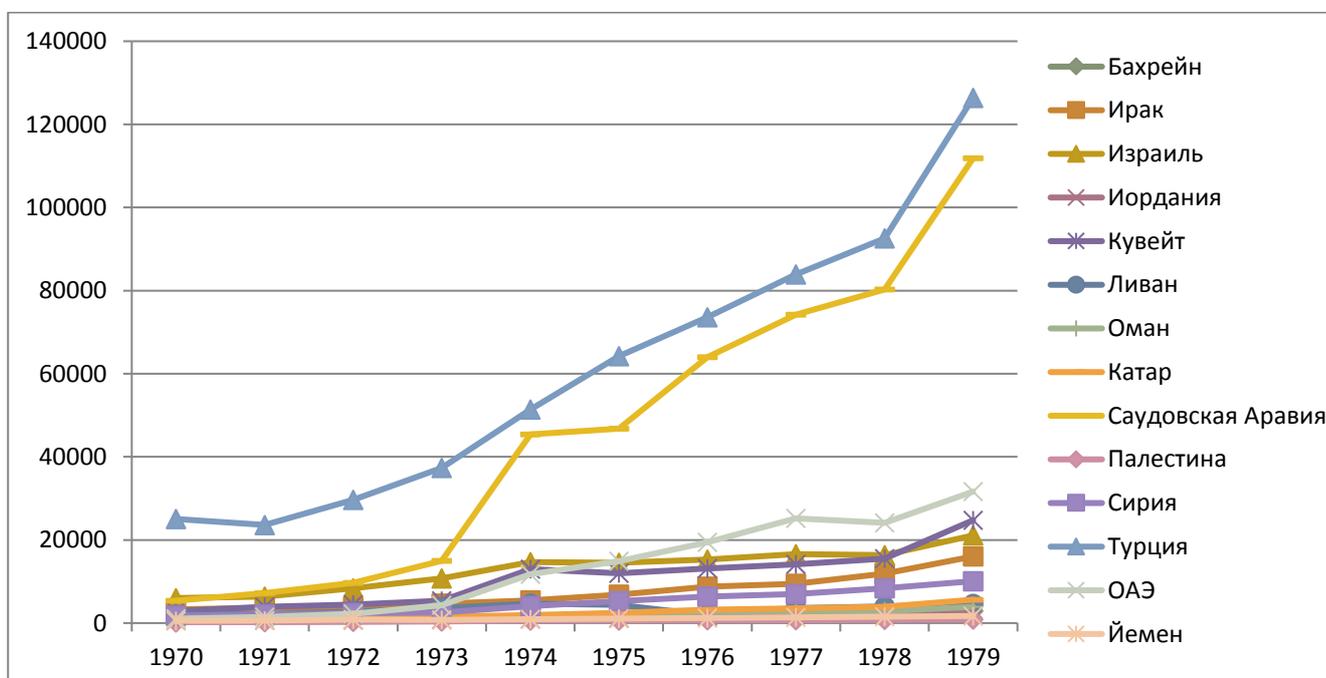

Рис. 1. Динамика ВВП стран Ближнего Востока в 1970-х гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Пятый этап — 1980-е гг. С началом этого десятилетия возросла нагрузка на государственную казну в результате падения мировых цен на нефть, уменьшения финансовой помощи от арабских и внерегиональных стран, сокращения количества денежных потоков, переводимых сирийскими рабочими из-за границы, снижения курса сирийского фунта (The Syrian pound..., 2019). Кроме того, наблюдалась засуха, что негативно сказалось на сельскохозяйственной сфере.

К 1980-м гг. Сирия оказалась в политической и экономической изоляции, в эпицентре глубокого экономического кризиса (Perthes, 1995, p. 2). В период с 1982 по 1989 гг. реальный ВВП на душу населения снизился на 22%. Сирия столкнулась с рядом финансовых трудностей, особенно в связи с сокращением финансовой поддержки и арабской помощи (Syria's Economy).

В научной литературе широко распространилось мнение о том, что уровень эффективности сирийской экономики стал ниже ее потенциала, и была признана необходимость серьезных изменений в проводимой экономической политике, т. е. возникла необходимость ее реформирования, что позволило бы добиться более высоких темпов роста и спасти сирийскую экономику от стагнации и дефляции. В этой связи доктор Мустафа аль-Абдулла Аль-Кафри, профессор политической экономии экономического факультета университета Дамаска, отмечает: «Одного только экономического роста недостаточно, и он может быть даже коварным и безжалостным ростом, особенно когда мы обнаруживаем, что он не приносит пользы бедным и оставляет проигравших в крайней нищете, не обеспечивает рабочие места, не дает права голоса, разрушает окружающую среду и нарушает права будущих поколений» (Mustafa al-Abdullah Al-Kafri, 2022 A). Поэтому правительство Сирии стремилось к достижению не только экономического роста, но к всестороннему фундаментальному развитию на основе сбалансированного роста (географического и отраслевого).

– С началом 1990-х гг. в мире произошли большие перемены, Советский Союз распался, и США стали единственной сверхдержавой в мире. Правительство Сирии увеличило объем государственных расходов, чтобы улучшить социальную инфраструктуру и оказать медицинские, образовательные и социальные услуги, которые предоставлялись гражданам бесплатно или почти бесплатно, а также продолжило политику субсидирования товаров и услуг, необходимых для жизни граждан (Мохсен, 2014). Экономика САР оставалась относительно стабильной, она не подвергалась сильным потрясениям, как это произошло на территории СССР после краха Советского Союза. Это случилось благодаря благоприятным сельскохозяйственным сезонам и увеличению доходов от нефти, а также последовательной деятельности государства по переходу от централизованного управления к рыночным преобразованиям. Эта политика была призвана обеспечить стране усиление экономического потенциала.

Особенности экономики Сирии в XXI веке: достижения и разрушения

С 2000 г. политика сирийского правительства была все более ориентирована на развитие рыночной экономики и открытость внешнему миру, но этот сдвиг происходил постепенно, в соответствии с общенациональным прогрессом и в интересах народного хозяйства и его модернизации.

В Сирии концепция социальной рыночной экономики была четко и недвусмысленно принята как базовый ориентир развития на X пятилетку (2006–2010 гг.), предопределивший развитие страны на основе индикативного планирования (UN). Эта задача требовала укрепления баланса между позициями государства и частного сектора в экономическом процессе. В этой связи формировались новые возможности для развития частного сектора, стимулировались прямые иностранные инвестиции (ПИИ), создавались частные банки, сектор страхования и социальные банковские учреждения для микрофинансирования (Bulletin of Planning..., 2012). С 10 марта 2009 г. заработала Дамасская фондовая биржа.

Параллельно продолжалась разработка законодательства, соответствующего экономическим изменениям. Законодательно определялись возможности рынка, реальных секторов экономики и услуг в целях обеспечения конкуренции, предотвращения монополизма и принятия международных стандартов.

Все это способствовало укреплению возможностей сирийской экономики, диверсификации ее ресурсов, увеличению размера ВВП, повышению темпов экономического роста, финансовой стабилизации, а также созданию большего числа рабочих мест.

В период 1990–2011 гг. в Сирии наблюдался стабильный экономический рост, что показано на рис. 2.

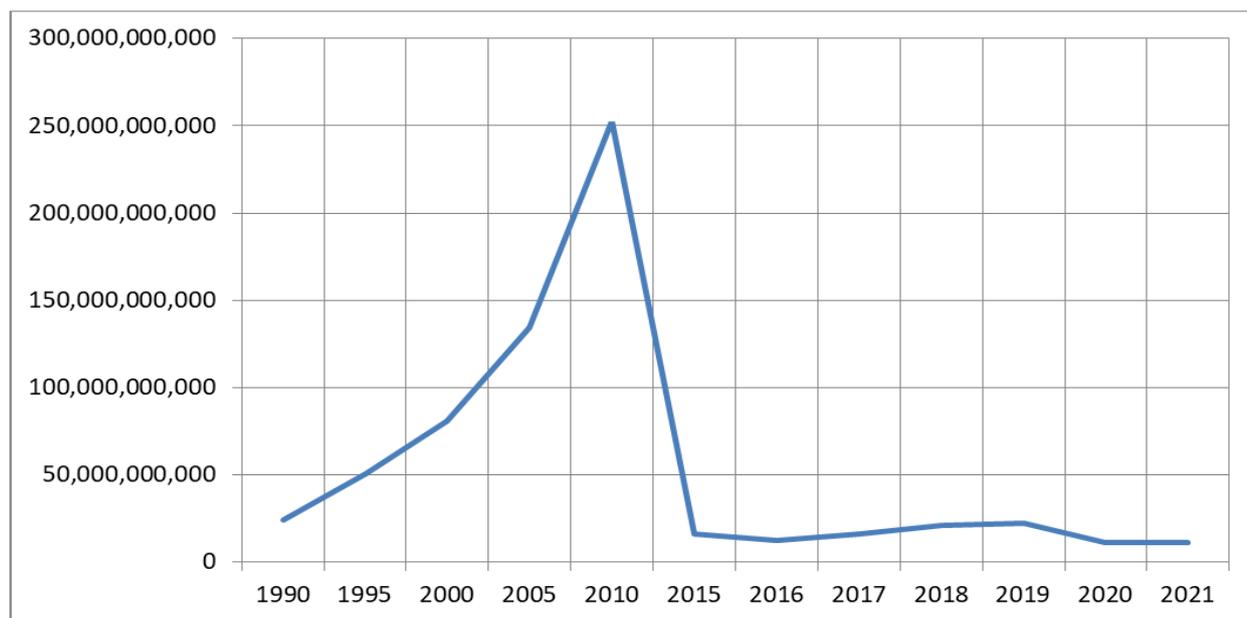

Рис. 2. ВВП Сирии в период 1990–2021 гг. долл. США

Источник: составлено автором по данным World Bank.

Несмотря на воздействие ряда негативных факторов, главным образом, связанных с внешними процессами, стоимость ВВП увеличилась (в постоянных ценах 2000 г.) с 1105 млрд сирийских фунтов (или лир) в 2004 г. до 1213 млрд лир в 2005 г. и достигла порядка 1422 млрд лир в 2009 г. Увеличение коснулось большинства секторов экономики и услуг, за исключением добывающей промышленности, которая сократилась из-за снижения объемов экспорта сирийской нефти. Вклад секторов национальной экономики в ВВП остался практически неизменным: доля сельскохозяйственного сектора в ВВП составила 24,3%, добывающей промышленности — 16,5%, транспорта — 14,7%, торговли — 18,5%,

строительства — свыше 16%, в то время как доля обрабатывающих отраслей не превысила 2,0%. ВВП за 4 года X пятилетки (2006–2009 гг.) продемонстрировал рост в среднем примерно на уровне 5%. Это выше, чем средние темпы экономического роста в IX пятилетке (2001–2005 гг.), составлявшие около 4,5%, и ниже, чем планировалось (в среднем около 7%). Соотношение государственного бюджета к ВВП осталось примерно на уровне 28%.

Упомянутые экономические достижения оказали положительное социальное воздействие, такое как увеличение дохода на душу населения с 1050 долларов до 1300 долларов в год, снижение уровня безработицы с 12% до 6% путем создания 218 тыс. новых рабочих мест в год, и сокращение бедности с 11,4% до 8,7%.

Исследователи отмечают, что «Сирия добилась успехов в процессе экономических реформ в течение 1-го десятилетия XXI в. в сфере модернизации и развития благодаря четким экономическим программам и политике развития, процессу перехода к социальной рыночной экономике, открытости для мировой экономики, повышению конкурентоспособности, либерализации внешней торговли, разработке нормативных актов и законодательства, поощряющих и стимулирование инвестиций при сохранении социального аспекта политики и работе над изменением мышления, чтобы диверсифицировать свою экономику и развивать ее таким образом, чтобы достичь большего баланса в региональном развитии и гарантировать, что различные секторы получают выгоду от инвестиций частного сектора» (Mustafa al-Abdullah Al-Kafri, 2022 В).

С началом 2011 г. многое изменилось, и Сирия пережила одну из самых серьезных катастроф развития в современной истории, поскольку экономика была разрушена, человеческий, культурный и социальный капитал были повреждены в дополнение к разрушению национальной идентичности (Mahshib et al., 2022).

Сирийцы столкнулись с самым тяжелым экономическим кризисом с момента начала конфликта в 2011 г., вызванным затяжным характером вооруженного противостояния, экономическими кризисами в соседних Турции и Ливане, пандемией *COVID-19* (Chaplyuk et al., 2021; Petrovskaya et al., 2022), санкциями (Чаплюк, Аль Хумсси, 2015) т. д.

Конфликт нанес значительный ущерб государственным и частным объектам в Сирии, включая здравоохранение, образование, энергетику, водоснабжение и санитарную, сельское хозяйство, транспорт, жилье и инфраструктуру. Согласно отчету Всемирного банка, общий ущерб городам Алеппо, Дараа, Хомс, Хама, Идлиб и Латакия в марте 2016 г. составил от 5,9 до 7,2 млрд долларов (The World Bank, 2022). По оценкам Сирийского центра политических исследований, разрушение физической инфраструктуры по всей стране составило 75 млрд долларов (Syria's Economy).

В период военных действий ВВП резко сократился в результате ряда факторов, в том числе отсутствия безопасности во всех районах страны, частичного прекращения производственных операций, подверженности объектов экономики диверсиям и разрушениям, невозможности обеспечить охрану жизненно важных объектов в результате озабоченности государства военными действиями, эмиграции большого количества людских и научных ресурсов в соседние страны, и — в основном — в Евросоюз.

Снижение ВВП отрицательно сказалось на величине подушевых доходов населения Сирии, приведя к их резкому падению (рис. 3).

Из рис. 3 видно, что произошло резкое снижение ВВП на душу населения — с 11 тыс. долларов до менее чем 200 долларов в год. В то же время средняя заработная плата в Сирии в 2022 г. составляла 10–15 долларов США в месяц, а первоначальные потребности для

поддержания жизни эквивалентны 300 долларам США ежемесячно. Это ведет к росту бедности, недоеданию, росту смертности и просто оттоку населения из страны.

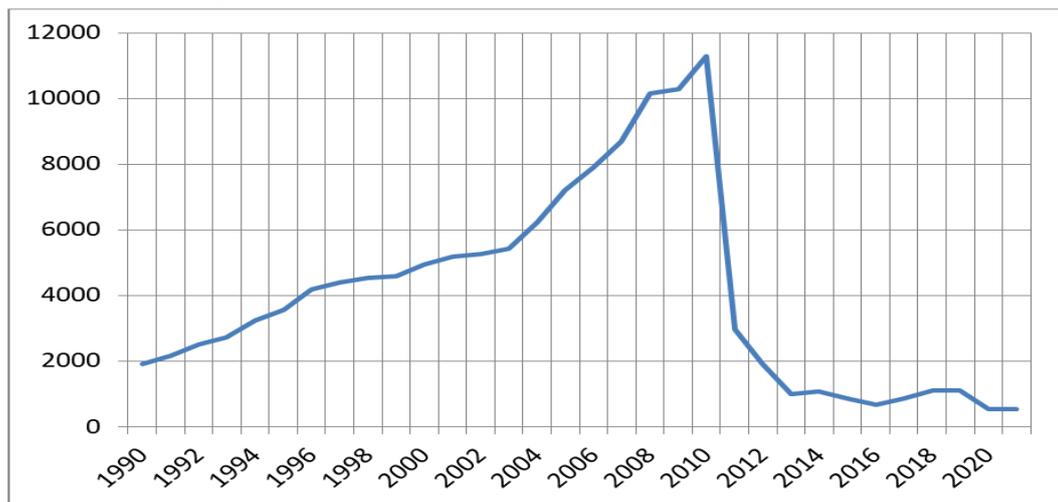

Рис. 3. ВВП на душу населения Сирии в период 1990–2021 гг. долл. США.
Источник: составлено автором по данным World Bank.

Экономические санкции негативно повлияли на получение внешнего финансирования. Из рис. 4 видно, что влияние военных операций на внешнюю задолженность Сирии отсутствует из-за отсутствия внешних кредиторов и ПИИ.

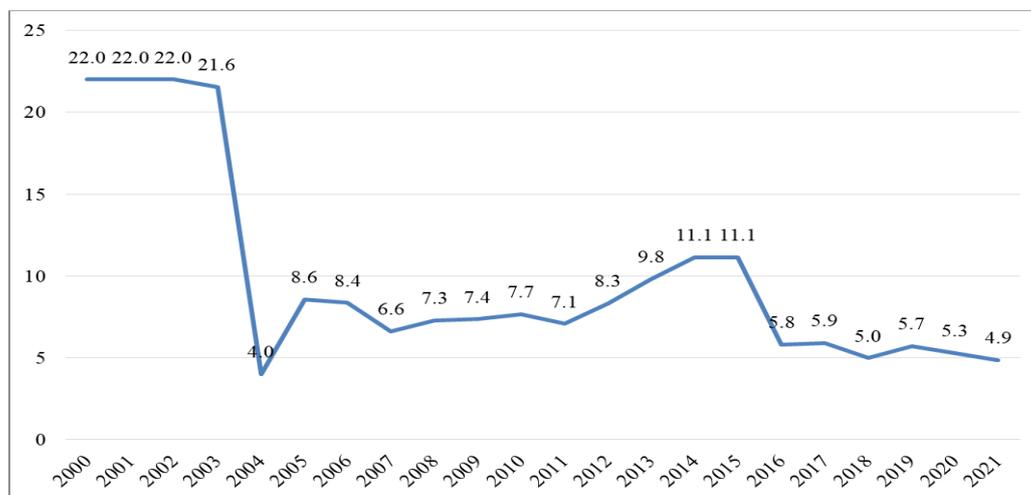

Рис. 4. Внешний долг Сирии в период 2000–2021 гг. млрд долл. США
Источник: составлено автором по данным World Bank.

В период 2011–2014 гг. наблюдалось увеличение военных расходов почти на 5%, а общий экономический ущерб в текущих ценах составляет 202,6 млрд долларов США (Чаплюк, Аль Хумсси, 2019). В принципе, уже есть ряд исследований как международных организаций, так и ученых из разных стран, посвященные данным вопросам. Эти исследования дают анализ негативного влияния военного конфликта на экономику Сирии, обострившего, наряду с международными санкциями, ситуацию в стране. В то же время

международные организации, как МВФ, Всемирный банк и ООН, обращают внимание главным образом на гуманитарные аспекты проблемы (см, например: Devadas et al, 2019).

Однако, как нам представляется, не менее важной остается задача восстановления и оздоровления социально-экономической системы страны в постконфликтном периоде, на что обращают внимание российские (Долгов, 2020) и арабские (Alnafrah, Mouselli, 2020) исследователи. В то же время, стремясь систематизировать причины и сущность проблем сирийской экономики, необходимо уделять внимание и поиску путей их решения.

При этом, по нашему мнению, требуется трансформация модели экономического развития Сирии. Основные моменты в экономическом измерении и взаимосвязь между послевоенной сирийской национальной программой и целями устойчивого развития представлена на рис. 5.

Национальная программа развития Сирии в послевоенный период – стратегическая цель	Национальная программа развития Сирии в послевоенный период	Включает варианты макроэкономической и отраслевой политик, принимая во внимание социальные и экологические аспекты	Возможность реализации в настоящее время
Первое: достижение устойчивых темпов роста на основе диверсифицированной экономики с высоко конкурентными ресурсами.	Фреймворк или основная программа	Включает реформирование государственных финансов, контроль над инфляцией и налоговую политику.	Нет
Второе: борьба с инклюзивным застоём и обеспечение справедливого распределения	Структурная трансформация сирийской экономики	Включает в себя экономическое измерение, а также сельскохозяйственное измерение.	Нет
Третье: обеспечение продовольственной безопасности (и борьба с бедностью)	Реформа государственных финансов, управление инфляцией и ценовая стабильность	Позднее в центре внимания будет географически сбалансированное развитие. Здесь основное внимание уделяется операционной программе, которая выражает достойные условия труда.	Нет
Достижение стандартов достойного труда	Структурная трансформация сирийской экономики	Включает варианты макроэкономической и отраслевой политики, принимая во внимание социальные и экологические аспекты	Нет

Рис. 5. Планы сирийского правительства, направленные на восстановление экономики.

Источник: составлено автором, основной источник: Office of Planning, 2020.

Так, война в Сирии, начиная с 2011 г., разрушила экономическую модель, основанную на реагировании на общественно-экономические и социальные потребности и запросы общества в соответствии с постоянно меняющимися условиями — внутренними и международными, — особенно в отношении односторонних принудительных мер против сирийской экономики, т. е. экономических санкций.

Что же касается послевоенного (постконфликтного) периода, то сирийской экономике потребуется иная модель, трансформирующая экономические и социальные приоритеты, что и выразила программа послевоенного национального развития Сирии, в которой были увязаны все стратегические и промежуточные цели и задачи.

С точки зрения правительства Сирии, сирийская экономика все еще способна добиться прогресса в темпах экономического роста до 2030 г., исходя из следующих соображений:

- Наличие альтернативных нефти ресурсов, важнейшим из которых остается газ, и его добыча представляется весьма перспективной и поддержит непрерывность экономического роста и рост его темпов.
- Начало явного восстановления производственной деятельности в основных сирийских городах, таких как Дамаск, Алеппо и Хомс, и продолжение восстановления инфраструктуры основных промышленных городов.
- Наличие квалифицированного человеческого капитала с хорошей научной и профессиональной специализацией, способного работать на производстве в различных сегментах национальной экономики.
- Восстановление больших сельскохозяйственных угодий для выращивания стратегических культур, таких как пшеница и хлопок, а также восстановление сельскохозяйственных угодий для остальных сельскохозяйственных культур в сельских районах Алеппо, Хомса, Дамаска и Дараа.
- Возможность развития внешней торговли через некоторые соседние страны, а также напрямую с рядом внерегиональных партнеров, включая Россию, Индию и Китай.
- Расширение контроля сирийского государства более чем на 90% территории Сирийской Арабской Республики, что способствует укреплению политической стабильности.
- Наличие политической воли и планирующего видения развития сирийской экономики в послевоенный период.

С нашей точки зрения, потери в сирийской экономике настолько велики, что продвинуть экономику в ближайшее время не представляется возможным:

- ❖ в свете отсутствия ясности всеобъемлющего политического решения,
- ❖ продолжения западных и арабских экономических санкций, в случае если нынешнее сирийское правительство не сможет урегулировать ситуацию.
- ❖ более 50% населения мигрирует в другие страны, которые считаются более безопасными, чем Сирия.

Можно отметить также отсутствие комплексности и последовательности со стороны сирийского правительства в решении экономических проблем, в дополнение к отсутствию эффективных экономических планов, основанных на сирийской экономической реальности.

Заключение

Развитие сирийской экономики прошло ряд этапов; некоторые были стадиями процветания, другие — упадка. Но государство с 1946 г. направляло свои усилия на то, чтобы добиться стабильного развития национальной социально-экономической системы, ее освобождения от внешней зависимости (колониальной или другой). Оно последовательно создало модель ее управления, формировало ее структуру исходя из национальных особенностей и задач, условий международного сотрудничества и других внешних факторов — региональных и глобальных — которые традиционно играли важную роль в эволюции Сирии.

Сирийская экономика традиционно опиралась в основном на сельскохозяйственный и добывающий сектора. С началом 2000 г. правительство Сирии приступило к реализации политики экономической открытости, привлечению иностранных инвестиций и усилению роли частного сектора для развития и диверсификации национальной хозяйственной системы. В этом процессе были отмечены заметные успехи.

Война нанесла тяжелый ущерб сирийской экономике и привела к очень большому разрушению инфраструктуры, к миграции более 50% населения, оттоку национальных и иностранных инвестиций, ухудшению жилищной ситуации, огромному росту темпов инфляции и падению месячных ставок заработной платы до уровня менее 10 долларов в месяц.

В настоящее время сирийская экономика не может восстановиться без политического урегулирования сирийского кризиса, снятия экономических санкций, возвращения перемещенных лиц и реальной политической воли к переменам.

Список литературы

1. Долгов Б. В. (2020) Сирийский кризис (2011–2020): начало // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 6. С. 118–128. [Dolgov B. V. (2020) The Syrian crisis (2011–2020): the beginning // Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity. No. 6. Pp. 118–128. (In Russian).] DOI: 10.31857/S086919080012746-7
2. Чаплюк В. З., Аль Хумсси А. (2019) Анализ становления и перспективного развития внешнеэкономической политики Сирии. М.: РУДН. 214 с. [Chaplyuk V. Z., Al Humssi A. (2019) Analysis of the formation and prospective development of Syria's foreign economic policy. Moscow: RUDN. 214 p. (In Russian).]
3. Чаплюк В. З., Аль Хумсси А. (2015) Внешнеэкономические связи между Сирией и Россией в период экономических санкций // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 1. С. 15–21. [Chaplyuk V. Z., Al Humssi A. (2015) Foreign economic relations between Syria and Russia during the period of economic sanctions // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 1. Pp. 15–21. (In Russian).]
4. Almosabbeh I. (2013) Determinants of Inflation in Syria during the Period 1970–2004. MPRA Paper No. 46982. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/46982/>
5. Alnafrah I., Mouselli S. (2020) Constructing the Reconstruction Process: a Smooth Transition Towards Knowledge Society and Economy in Post-Conflict Syria // Journal of the Knowledge Economy. Vol. 11. Is. 1. Pp. 931–948. DOI:10.1007/s13132-019-0582-0

6. Bulletin of Planning and International Cooperation. Second trial release, July 2012. URL: http://picc.gov.sy/EG8/Newsletter/2_7_2012.pdf
7. Chaplyuk V. Z., Alam R. M. K., Abueva M. M. S., Hossain M. N., Al Humssi A. S. (2021) COVID-19 and Its Impacts on Global Economic Spheres // Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 198. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_94.
8. Devadas S., Elbadawi I., Loayza N. V. (2019) Growth after War in Syria. World Bank Group. Development Economics Research Group, August. URL: <https://nangs.org/analytics/world-bank-growth-after-war-in-syria-august-2019-eng-pdf>
9. Ibrahim Jalal Ahmed. (2010) The separation of Syria from the United Arab Republic in 1961 in the light of documents from the British Foreign Office. Almanac. Is. 8. (In Arabic). URL: https://ruznama.journals.ekb.eg/article_99694_ef2be092a4b4be1aab8d7ca33bd63277.pdf
10. Mahshib Z., Hajali H., Al-Naqib S. (2022) Mechanisms of exploitation: economic and social changes in Syria during the conflict. Report. Prepared «The Day After» with the support of Friedrich-Ebert-Stiftung. (In Arabic). URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/beirut/19604-20221017.pdf>
11. Mohsen A. (2014) The history of the development of the Syrian economy // Civil dialogue, management and economics. Is. 4612. (In Arabic). URL: <https://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=438379>
12. Mustafa al-Abdullah Al-Kafri. (2022 A) Features of the Syrian economy in 1990–2000. (In Arabic). [2000–1990 ملامح الاقتصاد السوري] URL: <https://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=752466>
13. Mustafa al-Abdullah Al-Kafri. (2022 B) The economic harvest in Syria in the first decade of the twenty-first century 2000–2010. [العقد خلال سورية في الاقتصادي الحصاد 2000–2010]. [والعشرين الواحد القرن من الأول]. (In Arabic). URL: <https://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=746832>
14. Office of Planning and International Cooperation. The first “Voluntary National Review of the Sustainable Development Goals” 2020. (In Arabic). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26292VNR_2020_Syria_Report_Arabic.pdf
15. Perthes V. (1995) The Political Economy of Syria Under Asad. London and New York: I.B. Tauris. 308 p.
16. Petrovskaya M. V., Chaplyuk V. Z., Alam R. M. K., Hossain M. N., Al Humssi A. S. COVID–19 and Global Economic Outlook. In Current Problems of the World Economy and International Trade // Research in Economic Anthropology. Vol. 42. Pp. 127–139. DOI:10.1108/S0190-128120220000042013.
17. Ramadan Ahmad Al-Omar. (2022) The Syrian crisis and its impact on the Syrian economy 2011–2020 / Collection of materials of the forum “Consequences of the current international crises for the Arab world”. URL: <https://jilrc.com/archives/15972>
18. Sadowski Yahya Michael. Political Power and Economic Organization in Syria, Mfl15, IFEAD (Ifpo, French Institute of Arab Studies of Damascus, Syria), Damascus, 1958.
19. Syria's Economy. (In Arabic). URL: https://www.marefa.org/سوريا_اقتصاد
20. The Syrian pound is at its lowest level in its history... and prices are rising by 30% // The New Arabic magazine. 2019. URL: <https://t.ly/LYT6j>
21. The World Bank. Syria economic monitor. Spring, 2022. URL: <https://worldbank.org/documents1.worldbank.org › curated/en/>

22. The World Bank. Syrian Arab Republic, 2022. URL: <https://data.worldbank.org/country/SY>

23. UN. The Syrian Arab Republic. 2008. (In Arabic). URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/Review/responses/SYRIAN-ARAB-REPUBLIC-Arabic.pdf>

24. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>

The Syrian economy and recovery opportunities

Ahmad Al Humssi,

*PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

The study is devoted to the study of the development of the economy of the Syrian People's Republic from 1946 to the present. Currently, there are still few published critical studies on this topic. The purpose of the article is to assess the prospects and opportunities for the restoration and development of the Syrian economy in the post-conflict (post-war) period and to identify the conditions and factors that are necessary for the sustainable development of the country in the future. To determine the ability of the Syrian economy to recover, economic data from different periods were analyzed: pre-war, military and post-war, and the features of Syria's economic development during various stages were identified. The analysis uses up-to-date statistical data from international organizations (UNCTAD and the World Bank). The results of the study show that the Syrian economy cannot recover in the short and even medium term without a political solution to the Syrian crisis, the lifting of economic sanctions, the return of displaced persons and a real political will for change.

Keywords: *Syria, economic development, economic features, recovery opportunities, post-war period, recovery opportunities.*

JEL codes: *F51, O11, O53, P11.*

On the Green and Reverse Logistics in China based on Sustainable Development

*Ma Chunbo*¹

Green logistics is an inevitable choice for sustainable development, and reverse logistics is an important way to achieve sustainable development. By implementing reverse logistics management, it can protect the environment, as well as has the economic value of saving resources, reducing costs, improving customer satisfaction, and increasing profits. Reverse logistics aims to save resources and reduce the amount of waste, but if the logistics system is not designed properly, it may cause secondary pollution. Therefore, the process of reverse logistics must be made green.

The paper analyzes the significance of green and reverse logistics, studies the current situation of reverse logistics in China in detail, and concludes the necessity and superiority of developing reverse logistics. Then, recommendations are made on the greening of reverse logistics from three aspects: the recycling and disposal of packing materials, the recycling and disposal of waste materials, and the vehicle route.

Keywords: *Reverse logistics, green logistics, Reverse logistics of packing materials, Waste material logistics, Route optimization.*

JEL codes: *A14, L87, M19.*

Introduction

The international community is paying more and more attention to population, environment and resource issues, and the concept of green, environmental protection and low carbon is being promoted all over the world. At Copenhagen, the Chinese government also said it wanted to reduce its carbon emissions per unit of GDP, that is, China's economy will shift to a low-carbon economy. The logistics industry is an emerging industry vigorously developed by the country, and it needs to be improved with low carbon, that is, under the guidance of the sustainable development strategy to achieve low carbon and green of the entire logistics system. Green logistics is to form a circular logistics system that is harmonious and symbiotic with the ecological environment, and is to control the overall supply chain. Reverse logistics aims to recycle, dispose of and reuse waste, used and discarded products and packaging to restore their value and enter new supply chains. It can be seen that reverse logistics is an indispensable step in the construction of green logistics, and it is also an inevitable way to achieve a sustainable development strategy. However, the development of the logistics industry in China is still in its infancy, and both theory and practice are much different from the international community. Therefore, how to effectively carry out the reverse logistics process, improve the level of reverse logistics of enterprises, and thus realize the greening of the logistics system is a difficult problem for the development of modern enterprises. In such a realistic situation, the paper studies and discusses green reverse logistics based on sustainable development.

¹ *Ma Chunbo* — Graduate student of Peoples' Friendship University of Russia, bachelor of engineering (computer application software) from Jilin University, manager of Beijing Zhongxin Hengda Trading Co., LTD, Beijing, China.

The uncertainty of reverse logistics and the need for timely processing of information make it more complicated to implement reverse logistics. In particular, the rapid development of e-commerce has led to a dramatic increase in the volume of product returns, which has raised the importance of reverse logistics and accelerated its development towards green processes. The main objective of the paper is to study how to make reverse logistics environmentally friendly. This study investigates the recycling of packing materials and waste materials and the pickup path in reverse logistics, and aims to provide some meaningful reference for enterprises engaged in reverse logistics in China, so that they can carry out reverse logistics activities correctly and efficiently.

Significance of green and reverse logistics

The most important components of green and reverse logistics are the following.

1. Environmental effects of green and reverse logistics.

Reverse logistics was originated in the context of environmental, resource and population problems, so the primary objectives of green and reverse logistics are to protect the environment, conserve resources, create more jobs and promote sustainable socio-economic development.

1.1 Protecting the ecological environment.

The core meaning of reverse logistics is to improve the utilization of resources by scientific management of packing materials, used and waste products and waste materials, thus reducing the harm to the living environment. The content of reverse logistics mainly includes the recycling and reverse logistics activities of packing materials and waste materials. There is no doubt that these activities contribute to the protection and improvement of the environment.

1.2 Conserving resources.

The reverse logistics process of recycling of packing materials and the recovery, refurbishment and recycling of used products is a process of saving resources by making efficient use of resources and reducing the amount of resources consumed and the amount of waste materials.

1.3 Creating more jobs.

The development of reverse logistics as a new industry is not only supported by the national policy, but also by a large number of logistics professionals who are dedicated to the theoretical investigation and practical operation of the logistics business. Therefore, the vigorous development of reverse logistics industry will create new jobs and opportunities for the society. It is known that in 2002, the reverse logistics industry in the United States provided jobs for more than 7,000 people.

The goal of green and reverse logistics is to recycle products appropriately, use packing materials efficiently, and dispose of waste materials properly, so as to achieve effective use of resources and costs from the perspective of environmental protection and resource reduction.

2. Strategic significance of reverse logistics.

The increasing public awareness of environmental protection, national legislation and media campaigns have made environmental protection a prerequisite for our lives and consumption. Not only does reverse logistics contribute to improving the environment, but it also creates economic value for companies and is an untapped source of increased revenue.

2.1 A new world of profit creation.

It is common in China that many home appliance retailers, both in urban and rural areas, post banners for recycling or trading in used appliances for new ones. It is known that the price of

recycling old goods and waste is generally economical. In addition, enterprises can refurbish or process the recycled used goods and parts in a reasonable and scientific way, which can save the cost of purchasing new materials or parts, thus reducing the cost and increasing the profit of enterprises.

2.2 The magic weapon to improve competitiveness.

In the current economic environment, the customer is the center of the market service, and the maximization of customer value determines the position of the company in the market and even its survival. Through a generous and effective return and exchange policy, companies in the upstream of the supply chain can gain the trust of consumers. It also reduces the risk factor of the enterprise's operation, maintains the relationship between the supply chain members, and promotes them to establish an alliance and strengthen the competitive power of the enterprise.

2.3 A beacon to improve corporate image.

An important yardstick for enterprises to survive and develop in the competitive market is that the image of the enterprise is accepted and recognized by consumers, and improving customer satisfaction with the help of reverse logistics is one of the ways to effectively enhance the corporate image, so the business center of the enterprise should be customer first, so that the enterprise can get a better image.

2.4 The guideline for improving the quality system.

In the process of product sales, enterprises need to use the sales network and logistics information system to gain a good insight into the needs of customers and product shortcomings. Through the collection of information on customer needs and product shortcomings and the corresponding feedback, it can help and stimulate the design department to create new ideas and designs in terms of product quality and functionality, and the information on returns and exchanges of goods and problematic products can be fed back to the top management of the company, thus vigorously promoting the improvement and development of the service and management system, so as to reduce the amount of substandard products and reduce the amount of reverse logistics caused by returns and exchanges of goods.

3. The current situation of research at home and abroad.

3.1 Current status of foreign research.

Foreign countries in the research of reverse logistics started relatively early, but also relatively deep and mature, have seen such a sentence: logistics was born in the United States, in Japan to develop, in Europe into maturity.

De Brito et al. (De Brito et al., 2005) designed the reverse logistics network structure with the company's high-level strategy and logistics operation mode as considerations. A. Harrison (Harrison, 2001) summarized and explained the logistics development status of several major automobile manufacturing enterprises such as GM-Fiat, Daimler-Chrysler, Ford-Wall, Renault-Nissan, etc., and designed 6 modes for implementing logistics activities: direct delivery at the collection point, self-pick-up by the automobile factory, outsourced collection mode, chain logistics mode, supplier park mode, and the formation of transportation form network. A. Jenkins (Jenkins, 2020) analyzes two modes of supply-logistics transportation, mixed loading mode and supplier consolidation mode, and explores the connection between supply logistics and transportation management. Emad Roghanian and Peiman Pazhoheshfar (Roghanian, Pazhoheshfar, 2014) established a mathematical model of the planning of machining centers and recycling centers in the process of reverse logistics for the uncertainty factors of reverse logistics, and used genetic algorithms to solve the model and draw conclusions.

3.2 Research Status in China.

The development of China's logistics industry lies not only in the support of national legislation, but also in the research of more and more scholars in China on reverse logistics and the logistics practice of Chinese enterprises, and most of the directions explored in China include logistics models, site selection and network information optimization.

Wen Jie (Wen, 2012) used the extended responsibility system as a constraint to analyze the three modes of reverse logistics using mathematical models and verified the conclusions. Jiang Qiyue (Jiang, 2014) set the stroke problem as a constraint to explore the vehicle route problem, constructed a planning model of vehicle route and scheduling of reverse logistics, used the ant colony algorithm to construct a heuristic factor for vehicle load utilization during service, and set the cargo volume of the transport vehicle when it leaves the warehouse according to the needs of other customers. From the perspective of the reverse logistics mode of electronic products, Chen (Chen, 2014) analyzes the operation mode and influencing factors of various models, and on this basis, studies the greening of each link, aiming to design and build a green reverse logistics operation model for electronic products-related enterprises. With the aim of optimizing the environment, Wang Dongbing (Wang, 2014) designed and constructed a reverse logistics model of packaging materials throughout the operation of the supply chain.

In summary, although China has developed late in the research and implementation of reverse logistics, Chinese enterprises have attached great importance to the exploration of reverse logistics in the past few years, and one after another enterprises have turned to the implementation of modern reverse logistics instead of traditional logistics, with the purpose of improving the logistics service level of enterprises.

Current problems of reverse logistics in China

A number of challenges facing reverse logistics in China can currently be highlighted.

1. Lax management of recycling of used and waste products

In the home appliance recycling industry, the serious shortage of recycling quantity puts recycling enterprises at a disadvantage when they compete with individual vendors. The lax management of recycling makes the waste electrical and electronic equipment flow into the secondary market after simple refurbishment, and most of the small recycling processing plants handle the recycled items in a crude and primitive way, resulting in low product recycling rate and serious secondary pollution. In the automotive reverse logistics industry, there are gaps in the end-of-life management system and lax monitoring in some regions, and therefore the illegal recycling and disassembly problem is quite serious. Moreover, there are cases that end-of-life vehicles and illegally assembled vehicles are sometimes put into the sales channel for the second time. The rapid development of e-commerce in China has made the disposal of packing materials increasingly prominent, and packing materials improperly handled leads to low resource utilization, resulting in waste, and environmental problems.

2. Most enterprises developing at small scales.

In China, there are few professional recycling companies and enterprises, and their scale and capacity are obviously limited due to environmental policies and financial constraints. Many reverse logistics enterprises do not have adequate funds, human resources and energy to learn and introduce the current internationally advanced technologies, techniques and equipment, which makes it challenging to carry out reverse logistics. At the same time, many enterprises only dispose

of recycled goods in a crude and simple way, without classifying certain recyclable products, resulting in a low utilization rate of recycled products and packaging. For example, the metals in electrical and electronic appliances are still processed by methods such as acid leaching and flaming.

3. Lagging development of third-party reverse logistics enterprises.

The enterprises specializing in reverse logistics services in China are lagging behind in development, and their management system is not perfect, and there are few large-scale and specialized enterprises. Some traditional reverse logistics enterprises are limited by capital and technology, and thus they cannot provide a full range of reverse logistics services. The few large-scale third-party logistics enterprises are only engaged in a specific part of the operation process of reverse logistics. In general, the third-party reverse logistics enterprises in China are still developing in small scales, with scattered distribution and weak strengths.

4. Companies not well aware of the value of reverse logistics

At present, many senior and middle managers of companies are not well aware of the importance and long-term significance of developing reverse logistics and are not planning it properly. Therefore, when reverse logistics is hindered by certain conditions from forward logistics, corporate managers usually choose forward logistics. Many managers believe that the implementation of reverse logistics requires high capital investment in equipment and personnel, and that the short-term benefits are minimal, so they neglect the recycling of packing materials and waste materials, resulting in low utilization of resources and waste.

Optimization strategy for the green development of reverse logistics

In the definition of reverse logistics given in China, reverse logistics is divided into returned reverse logistics and waste material logistics. Returned logistics refers to the recall, repair, return and exchange of defective products and the recycling of packaging containers. Waste material logistics is mainly about recycling and subsequent proper and rational disposal of waste materials and used items. In this paper, only packing materials and waste material logistics and vehicle routing are discussed according to national standards.

1. Optimization of reverse logistics of packing materials

1.1 Overview of reverse logistics of packing materials

The reverse logistics of packing materials refers to the process of packaging materials returning from the sales terminal to the company and being organized and processed in a uniform manner. Packaging materials can be divided into two types: reusable and disposable, and their processing are based on the material and degree of damage. In this paper, reusable packaging materials and disposable packaging materials will be studied separately, depending on the ways and means of recycling.

1.2 Reverse logistics for reusable packaging materials

This paper discusses three models of packaging recycling depending on the type and composition of packaging materials.

(1) Enterprise self-recycling model

The enterprise self-recycling model is suitable for packaging materials that are not easily damaged or deformed, such as glass and metal. In the enterprise self-recycling model, the packaging materials are collected and managed by the product manufacturer. The product

manufacturer uses its existing sales channels to carry out the recovery and recycling of packing materials by means of consignment, deposit, incentive and circulation.

(2) Enterprise alliance recycling model

Some components are universally used in a certain industry, such as containers and trays. The recycling of such packing materials requires the establishment of enterprise alliances within the industry, and the establishment of a unified recycling mechanism within the industry. Moreover, the government and enterprises should jointly fund the establishment of service stations, and jointly operate to realize the scale management of reverse logistics of packing materials.

(3) Recycling model of third-party operation

The recycling model of third-party operation is relatively more suitable for packaging materials other than the above-mentioned packaging. By outsourcing the product recycling business to a third-party company, the company can reduce the investment in logistics facilities, equipment and human resources, reduce operational risks, and focus more on its core business, thus helping to enhance the competitive advantage of the company. Third-party logistics enterprises can implement the unified monitoring and allocation of packaging containers through the computerized network management and the information monitoring system, and realize the specialized and large-scale management of packing materials.

The packing materials should be processed scientifically by choosing different methods depending on the contents of the packing materials and the degree of damage. The general packing material recycling process is as follows:

1) Recycling. Different types of packaging materials can be recycled by different enterprises.

2) Classification and inspection. The recycled packing materials need to be classified according to the material and the degree of damage.

3) Refurbishment. The packaging materials that can still be reused after inspection and sorting are transported to the packaging materials manufacturers and suppliers for repair.

4) Recycling. Packaging materials that are severely damaged, cannot be repaired or have high repair costs can be transported to the raw material suppliers for disposal, and then transported to the manufacturers to produce new, and more functional packaging materials, such as paper-based packaging boxes.

5) Landfill or incineration. It is the correct and reasonable way to dispose of packing materials that have become useless.

1.3 Returned logistics of disposable packing materials

Disposable packaging materials are mostly bags, cartons and disposable cartons. These packing materials have the characteristics of scattered location, wide range, breakage, and uncertainty of specific recycling location, recycling quantity, and recycling time, which makes it more difficult to turn the reverse logistics of disposable packaging into a green business.

Disposable packaging materials coming from the consumer sector are first recycled by packaging recyclers and then arrive at sorting centers. The main task of the sorting center is to classify the packing materials collected from various places into paper, plastic, metal, glass, and composite materials for testing. Through visual inspection and experimental testing, packing materials are divided into three main categories:

1) Packing materials that can be reused after simple repair are sorted and tested before entering the repair center for repair, and then continue to flow into the distribution channel after meeting the requirements.

2) The packing materials that are severely damaged and can only be recycled as raw materials, will be remanufactured in the remanufacturing center and be put into the distribution channel as secondary packaging.

3) Packing materials that are tested and determined to be unusable are disposed of in waste treatment centers, such as incineration or landfill.

Unlike reusable packaging materials, the packing materials that can only be used once are relatively suitable for the reverse logistics process using a third-party responsibility model. The unit value of disposable packaging is low, but its reverse logistics activity is a complex process. For non-logistics companies, the reverse logistics business is not their main business, so a high level of management is required if they hope to perform well in green and reverse logistics. In the third-party responsibility model, companies share the risk of operation, which is conducive to the professional growth of each company and the green management of reverse logistics.

2. Optimization of waste material logistics

2.1 Overview of waste material logistics

Waste material logistics refers to the logistics process of recycling and proper disposal of products that have no use value at the end of their life cycle, depending on the situation. It is known that waste materials are growing at an average rate of 8.37% per year, and among them, municipal waste materials are one of the most serious hazards in the world. In this paper, waste material logistics is divided into municipal waste material logistics and rural waste material logistics for discussion and analysis.

2.2 Municipal waste material logistics

Due to the lifestyle and consumption habits of the residents in China, the composition of municipal waste materials is very complex, generally a mixture of solid, liquid and gas. Therefore, some powders, dispersions, leaking liquid, dust and other pollutants of waste materials may be generated in the process of handling and transportation, causing secondary pollution. It creates some difficulties for waste materials recycling, transfer and other logistics operations and transportation equipment and for the planning of the reverse logistics system.

The main processes of reverse logistics of municipal waste materials are sorting, collecting, transporting, disposing and resource utilization. Firstly, the waste materials are sorted at the source and collected separately after the residents sort out the waste materials by themselves, so that the recycling rate and quantity of municipal waste materials can be improved, which is conducive to the reuse of materials and can greatly reduce the cost of waste disposal. Secondly, after waste materials are sorted into different categories and collected at the collecting point, the collecting point should pack them in bags, which can reduce dust spreading and leakage, and reduce pollution. Thirdly, the transportation includes the transportation from the decentralized collecting points to the recycling stations and the transportation from the recycling stations to the further processing sites. The former is generally done with a small garbage truck, and the transportation route needs to be reasonably planned in order to reduce energy consumption. The latter is generally done by large trucks to maximize the loading efficiency of the vehicles in transit. Fourthly, waste materials should be tested and processed at the recycling station to distinguish two types of waste materials: non-reusable and reusable, in order to prepare for the next step of resource utilization. Fifthly, waste materials should be processed into resources. The resource transformation of municipal waste materials includes the conversion of waste materials into reusable raw materials, the conversion of waste materials into other items for reuse, and the direct recycling of waste materials.

2.3 Rural waste material logistics

Rural waste materials mainly consist of four categories: domestic, agricultural, construction waste and manure. There are many serious problems in rural waste material logistics in China, and its development situation is rather severe. National policies and financial support are needed to promote the development of reverse logistics of rural waste materials. At the same time, it is also necessary to raise the attention, invest more energy to research and explore the rural waste material logistics adapted to China's national conditions, invest more funds to improve the infrastructure equipment of rural logistics in China, and encourage the involvement of more professional waste material logistics enterprises.

At present, some rural areas are carrying out pilot agricultural reform and pilot farmland contracting system, which allows rural surplus laborers to engage in labor work in contracted fields. The emerging farmland contract system enables the centralized treatment and disposal of waste materials. Instead of the traditional ways of natural fermentation and straw burning, agricultural waste can be treated in a green way. Straw can be processed and sold to cattle and sheep breeding institutions as feed. Human and animal manure can be processed centrally and turned into organic fertilizer to feed agriculture, thus forming circular agriculture.

For the disposal of packing materials and domestic and construction wastes in agricultural wastes, companies should follow the methods of municipal waste materials and implement centralized disposal methods. First of all, each village should sort and collect the waste materials separately, and farmers are requested to bag their domestic waste materials to facilitate collection, transportation and management. Then, it should be gathered at the county-level stations and finally centralized to the municipal stations for appropriate treatment. It means that rural logistics should move to the road of scale, specialized and industrialized development. According to the current situation of rural economic development, two management modes of rural waste material logistics can be chosen: employing workers at the expense of the township government and outsourcing.

3. Pickup route optimization

The green management of reverse logistics requires simplifying the recycling system and improving the efficiency of vehicle use and stowage rate through the efficient use of vehicles. Based on the milk run model, this paper will investigate the vehicle route issues involved in reverse logistics of packing materials and waste materials, aiming to design a reasonable pickup route to improve the efficiency of mainline transportation and provide theoretical and practical assistance to companies engaged in reverse logistics.

3.1 Mathematical modeling of pickup route optimization

The pickup route can be described as follows: In a recycling model, the number of vehicles, the collecting points of reverse logistics and recycling centers are all determined. What we should do is to plan the rational pickup route of the vehicle under certain constraints to achieve the purpose of minimizing the cost of the transportation process. The following requirements must be met in order to achieve this goal:

- 1) The total weight of the packaging or waste materials and the space required at each collecting point on the planned route must be within the standards for the transport vehicle.
- 2) The recycling truck must start from the recycling center, and return to the recycling center after completing the pickup task.
- 3) There must be one and only one transport vehicle arriving at each collecting point.

(1) Building a mathematical model:

$I (i=1, \dots, n)$ denotes the recycling point and the recycling center, and k denotes the vehicle that completes project i . The variables are defined as follows:

$y_{ki}=1$ (project i is completed) or 0 (project i is not completed).

$x_{ijk}=1$ (a vehicle passes from project i to project j) or 0 (no vehicle passes from project i to project j).

The mathematical model for the optimization of the transportation vehicle route can be derived as follows:

$$\left\{ \begin{array}{l} \min Z = \sum_i \sum_j \sum_k c_{ij} x_{ijk} \\ \sum_i g_i y_{ki} \leq q \\ \sum_k y_{ki} = 1 \\ \sum_i x_{ijk} = y_{ki} \\ \sum_j x_{ijk} = y_{ki} \quad (i, j=0, 1, \dots, n): \forall k \\ x = (x_{ijk}) \in s \\ x_{ijk} = 0 \text{ or } 1 \\ y_{ki} = 0 \text{ or } 1 \end{array} \right.$$

In the model, c_{ij} denotes the transport cost from point i to point j , which may refer to the variable, time or cost. The equation $\min Z = \sum_i \sum_j \sum_k c_{ij} x_{ijk}$ indicates the objective function.

$\sum_i g_i y_{ki} \leq q$ means that the total weight of goods transported by the vehicle must be less than the limit of the vehicle load; $\sum_k y_{ki} = 1$ means that the transportation project must be carried out by only one vehicle. The two equations, $\sum_i x_{ijk} = y_{ki}$, $\sum_j x_{ijk} = y_{ki}$, guarantee that a collecting point has and can have only one vehicle for pickup. $x = (x_{ijk}) \in s$ denotes the relationship between two variables. $x_{ijk} = 0$ or 1, and $y_{ki} = 0$ or 1 denote the ranges of values of the variables. The purpose of the mathematical model is to derive the shortest sum of vehicle transportation distances when the above constraints are met.

(2) Improved C-W algorithm

The principle of the C-W algorithm is to calculate and arrange the distance savings between points in order of size, and then connect them in order to construct the vehicle transportation path after the constraints are met. However, due to the time constraint in practical application, the C-W algorithm was improved based on the time window.

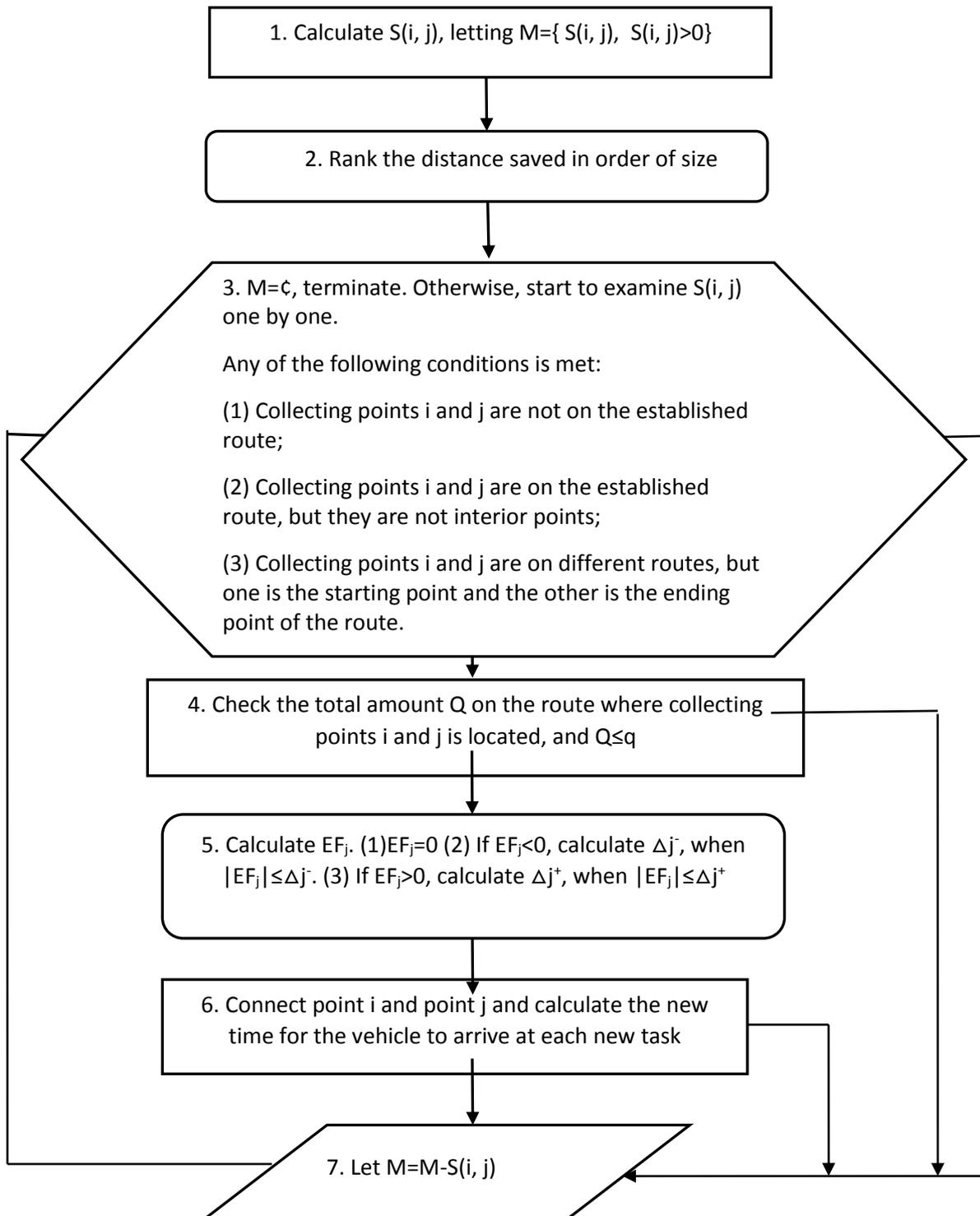

Fig. 1. Flow chart of the improved C–W algorithm.
Source: Xu, 2013.

Let the loading or unloading time be T_i , the project i must be completed within a certain time frame $[ET_i, LT_i]$, where ET_i denotes the earliest start time and LT_i denotes the latest start time. S_i denotes the time of the vehicle arriving at point i , and t_{ij} denotes the transportation time of the vehicle from i to j .

Generally, the following equation holds:

$$S_0=0, \quad ET_i \leq S_i \leq LT_i$$

EF_j denotes the time to reach the collecting point j earlier or later than the previous route when driving on the route constructed by the C-W algorithm. From the equation $EF_j = s_i + t_{ij} + T_i - s_j$, it can be concluded that:

1) $EF_j = 0$ means that the transport vehicle arrives at the collecting point j at the same time on both routes.

2) $EF_j > 0$ means the transporter arrives at point j later.

3) $EF_j < 0$ means the transporter arrives at point j earlier.

In order to clearly illustrate the improved model, the parameters are defined as follows:

$$\Delta j^+ = \min\{LT_r - s_r\}, \quad \Delta j^- = \min\{s_r - ET_r\} \quad (r > j)$$

Δj^+ — the delay of the vehicle arriving at the collecting point j at the latest, without affecting the timely completion of the projects after the collecting point j on the same route.

Δj^- — the advance of the vehicle arriving at the collecting point j at the earliest without violating the time requirements (no waiting) of the projects after the collecting point j on the same route.

Then, the following equation can be derived:

$$\Delta j^+ = \min\{LT_r - s_r\}, \quad \Delta j^- = \min\{s_r - ET_r\} \quad (r > j)$$

Because of the time window constraint, the connection from point i to point j is not the same as the connection from point j to point i when the cost is the same.

Conclusions and prospects

Reverse logistics is a new vision in the field of logistics, and a proper reverse logistics operation solution helps companies to manage returns and exchanges more efficiently, thus increasing customer satisfaction and competitive advantage. In this paper, the content of reverse logistics was introduced, and practical optimization strategies were proposed to improve the green development of reverse logistics in three aspects. The traditional reverse logistics model can hardly gain advantages in the modern market competition, with low resource utilization rate and the tendency to cause secondary pollution. In order to secure a firm position in the market and even make a breakthrough, companies need to consider improving the utilization of resources to reduce operating costs. Therefore, the key factor for the effective implementation of green and reverse logistics is to carry out the recycling of packing materials and used products in the market and the planning and design of vehicle pickup routes.

The implementation of reverse logistics greening requires national policies and financial support, as well as the improvement of logistics infrastructure and the market-oriented development of reverse logistics. At present, reverse logistics is relatively well developed in the automotive, retail and electronics industries. Due to the insufficient time and efforts, there are some problems in this paper and some improvements are needed:

(1) This paper only studies the recycling of packing materials and waste material logistics in reverse logistics, but not the recall of products, commercial returns, and the reverse logistics within companies.

(2) The greening scheme of reverse logistics is complex, and this paper only discusses the recycling and transportation in reverse logistics, while many other aspects, such as warehouse storage, distribution, and information processing, are still incomplete and need to be further investigated.

(3) The model set in this paper is based on the path optimization of a single vehicle and a single recycling center, while many vehicles and many recycling centers may be involved in the actual operation. Therefore, the establishment and solution of this model need to be further explored.

(4) The most distinctive feature of reverse logistics is uncertainty, but at the same time it requires rapid processing, and the application of information technology and information systems is particularly crucial to improve the efficiency of reverse logistics. However, there is little presentation on this aspect in this paper.

References

1. Chen Y. (2014) Jiangsu Science and Technology Information. Enterprise reverse logistics mode selection and greening concept // Jiangsu Science and Technology Information. No. 15. Pp. 89-92.

2. De Brito M. P., Dekker R., Flapper S. D. P. (2005) Reverse logistics. A review of case studies / In book: Distribution Logistics. Publisher: Springer. Editors: Bernard Fleischmann, Andreas Klose. DOI: 10.1007/978-3-642-17020-1_13

3. Guang X. (2014) Research on Reverse Logistics Based on Circular Economy // China Collective Economy. No. 33. Pp.129–147.

4. Harrison A. (2001) Perestroika in automotive inbound // Manufacturing Engineer. No. 80. Pp. 247–251.

5. Jiang Q. (2014) Research on Reverse Logistics Vehicle Path Problem Based on Improved Ant Colony Algorithm Considering Vehicle Stroke Constraint // Logistics Technology. No.1 9. Pp. 318–320.

6. Roghanian E., Pazhoheshfar P. (2014) An optimization model for reverse logistics network under stochastic environment by using genetic algorithm // Journal of Manufacturing Systems. Vol. 33. Is. 3. Pp. 348–356. DOI: 10.1016/j.jmsy.2014.02.007

7. Wang D. (2014) Research on optimizing reverse logistics operation of packaging based on supply chain environment // Logistics Technology. No. 15. Pp. 370–399.

8. Wen J. (2012). Guiding Analysis on the Strategic Value of Enterprise Implementation of Reverse Logistics // Economic Issues. No. 11. Pp.75–78.

Xu B. (2013) Research on Logistics Distribution Line Optimization Based on C-W Algorithm // Economic Research Herald. No. 6. Pp. 184–186.

О зеленой и реверсивной логистике в Китае, основанной на устойчивом развитии

Ма Чунбо,

Магистрант Российского университета дружбы народов (РУДН), бакалавр инженерных наук (прикладное программное обеспечение для компьютеров) Цзилиньского университета, менеджер Beijing Zhongxin Hengda Trading Co., LTD, Пекин, Китай.

Зеленая логистика — это неизбежный выбор для устойчивого развития, а обратная логистика — важный способ достижения устойчивого развития. Внедряя обратное управление логистикой, оно может защитить окружающую среду, а также имеет экономическую ценность в виде экономии ресурсов, снижения затрат, повышения удовлетворенности клиентов и увеличения прибыли. Обратная логистика направлена на экономию ресурсов и сокращение количества отходов, но если логистическая система спроектирована неправильно, это может привести к вторичному загрязнению. Поэтому процесс обратной логистики должен быть экологичным.

В статье анализируется значение зеленой и реверсивной логистики, подробно изучается текущая ситуация с реверсивной логистикой в Китае и делается вывод о необходимости и преимуществе развития реверсивной логистики. Затем даются рекомендации по экологизации обратной логистики с трех точек зрения: переработка и утилизация упаковочных материалов, переработка и утилизация отходов и маршрут транспортного средства.

Ключевые слова: Обратная логистика, зеленая логистика, Обратная логистика упаковочных материалов, логистика отходов, оптимизация маршрута.

JEL коды: A14, L87, M19.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY
AND HISTORY**

Теоретические и практические аспекты изучения экономических диспропорций и неравномерности социально-экономического развития**Черников Алексей Владимирович¹**

В статье показано, что в экономике Российской Федерации, а также других стран и мирового хозяйства в целом, традиционно сохраняется множество диспропорций и неравномерностей развития. Их количество и качество увеличивается и углубляется в XXI в. В статье проведен анализ как теоретических основ, так и фактического положения в сфере макроэкономических диспропорций. Обоснована точка зрения, что макроэкономические, в том числе глобальные, диспропорции и тенденция к их усилению все более становятся препятствием долгосрочному устойчивому социально-экономическому развитию, что актуализирует теоретические и практические исследования данной сферы. Анализ генезиса диспропорций дает возможность в большей или меньшей мере уменьшать их негативное влияние в экономике, прежде всего в том сегменте, где диспропорции порождаются субъективными факторами. Исследование базируется на диалектическом подходе. При проведении исследования были использованы системный, институциональный подходы и статистические методы. Использована международная база статистических данных UNCTAD.

Ключевые слова: *Российская Федерация, российская экономика, экономические диспропорции, неравномерность развития, сбалансированность.*

JEL коды: *B22, F63.*

Все страны заинтересованы в том, чтобы их развитие осуществлялось устойчиво и сбалансировано, т. е. равновесно — и во времени, и в пространстве. Но на практике каждое государство сталкивается с различными проблемами и диспропорциями, неравномерностями социально-экономического развития, которые препятствуют его успешной эволюции.

Различные исследователи изучают механизмы, которые могли бы обеспечить сбалансированное и устойчивое развитие. Одним из первых об этом предмете высказался Адам Смит, который утверждал, что отдельные субъекты хозяйствования, движимые частной хозяйственной инициативой, благодаря «невидимой руке рынка» обеспечивают как достижение собственных целей (рост благосостояния), так и общественных целей (рост благосостояния страны и народа) (Смит, 2007, с. 443). Таким образом, согласно этому подходу, «невидимая рука рынка», или рыночная конкуренция, выступает тем механизмом, который автоматически обеспечивает устойчивый экономический прогресс через наиболее оптимальное распределение ресурсов в обществе.

¹ Черников Алексей Владимирович — кандидат экономических наук, ФГБУ «Дирекция по эксплуатации зданий Федерального собрания», член Совета директоров Мосэнерго, Москва, Россия.

Однако последующая экономическая практика уже в XIX и особенно в XX вв. продемонстрировала, что рыночная экономика периодически сталкивается с ситуациями, когда равновесие рынка нарушается, возникает дисбаланс между спросом и предложением и нарушением механизма ценообразования, частные (индивидуальные) интересы не совпадают с общественными, а покупатель и продавец не могут урегулировать отношения между собой.

Невозможность либеральной рыночной экономики обеспечить устойчивое и долгосрочное развитие и полную эффективность (полное и перманентное использование ограниченных ресурсов) получило название «провалов рынка» или «фиаско рынка». В теории к провалам рынка относятся недостаточная конкуренция, невозможность рынка обеспечивать производство общественных благ и внешние эффекты (Быстряков и др., 2015, с. 44).

Таким образом, «провалы рынка» выступают одной из причин диспропорций в экономике.

Согласно определению, «диспропорции (от лат. *dis* — *не* и *proportionalis* — *пропорциональный*) — нарушение согласованности, соответствия взаимосвязанных экономических процессов и показателей, характеризующих функционирование и развитие отдельных отраслей и производств, протекание стадий воспроизводственного цикла. Например, может наблюдаться несоответствие объемов добычи сырья намеченным масштабам его переработки, объем производства может не удовлетворять требованиям потребления, рост производства средств производства намного превышать рост производства потребительских товаров и услуг, и наоборот. Диспропорции свидетельствуют о гипертрофированном развитии одних секторов за счет других, об отсутствии сбалансированности экономических процессов» (Борисов, 1999, с.181).

Другими словами, диспропорции представляют собой ситуацию, когда темпы развития или потенциалы отдельных элементов системы находятся в несоответствии более или менее длительное время, и в результате часть совокупного потенциала либо конкретного продукта оказывается не реализованной (не востребованной). Соответственно, ресурсы используются неэффективно, а экономический потенциал даже может разрушаться. При этом могут возникать противоречия, и даже конфликты, между несоответствующими элементами системы.

Такая ситуация формирования диспропорций связана во многом с различной наделенностью разных стран основными факторами производства. Кроме того, по мнению ученых, она складывается периодически в различных странах, их отраслях, регионах, на различных рынках (товаров, капиталов, рабочей силы), в отдельных сегментах социальной или инновационной сферы, в мировой хозяйственной системе в целом, вследствие цикличности экономического развития. Например, в XVIII–XXI вв. в мировой экономике и в отдельных странах неоднократно имели место такие ситуации, и они подтверждают, что диспропорции могут, например, вести к перманентному неэффективному расходованию экономических ресурсов на стадии экономического роста, или же приводить к кризисам — с последующим восстановлением равновесия в более или менее полной форме, т.е. устранением диспропорций.

Так, Т. Веблен на рубеже XIX–XX вв. трактовал экономические кризисы как «естественное свойство» рыночной экономики (капиталистической экономической системы) вследствие заложенных в этой системе противоречий, связанных, с его точки зрения, с тем,

что предприниматели заинтересованы лишь в реализации прибыли, а само по себе производство их не интересует (Американский институционализм, 2005, с. 326–337).

Экономические циклы — кратко-, средне- и долгосрочные, — в том числе их сущность, причины и последствия, изучали многие экономисты, например, Н. Кондратьев, А. Курно, Л. Вальрас, Дж. Хикс, А. Маршалл и другие.

В частности, Л. Вальрас в 1874 г. через систему уравнений показал, как взаимосвязаны различные рынки национальной экономики между собой и с помощью математических расчетов доказал возможность общего равновесия (Вальрас, 2000).

Вопрос поиска механизмов и инструментов для устранения диспропорций в экономической системе для ее дальнейшего эффективного развития традиционно остается весьма актуальным. Одним из первых авторов, кто предложил такой механизм, стал Д. М. Кейнс. В основной своей работе «Общая теория занятости, процента и денег» он обосновал точку зрения, что либеральная (рыночная) экономика не имеет внутреннего механизма устранения, выравнивания диспропорций и поэтому не может обеспечить сбалансированное развитие и макроэкономическое равновесие. Кейнс полагал, что стабилизировать и сбалансировать экономическую ситуацию может государственное регулирование экономики (Кейнс, 2022). Главная цель государственного регулирования, по Кейнсу, заключалась именно в устранении «провалов рынка» и диспропорций и в сбалансировании национальной экономики, предотвращении экономических кризисов.

И хотя, с точки зрения как теории, так и практики, государственное регулирование также имеет «провалы государства», оно, тем не менее, во-первых, присутствует во всех странах мира и даже на международном уровне, во-вторых, практически доказано, что во время, например, Второй мировой войны государственное регулирование экономики стало широко распространившейся практикой, сохраняющейся и до настоящего времени.

Виды диспропорций: современная теория и мировая практика.

В теории и на практике можно выделить несколько видов диспропорций в экономике — статическую и динамическую, временную и страновую, отраслевую, демографическую и социальную, ресурсную и др.

Прежде всего стоит отметить неравномерность социально-экономического развития — на глобальном и страновом уровнях, выражающуюся в показателях производства мирового и национального валового продукта и душевого дохода, товарооборота, вывоза/ввоза капитала и др., включая, например, неравномерность количества жителей в различных странах, что тоже создает диспропорции.

На рис. 1 видно, что в XXI в. производство ВВП в ведущих экономиках мира сохраняли высокую волатильность во времени. Рейтинг представлен по рейтингу 2021 г.

Как видно из анализа представленных данных, у некоторых стран, прежде всего двух ведущих экономик, зафиксирован достаточно устойчивый рост производства ВВП, причем у Китая, особенно с середины 2000-х гг., более высокий. Это говорит о развитии серьезной глобальной диспропорции в перспективе и возможной, уже в обозримой перспективе, смене мирового экономического лидера. Такая смена, как показывает мировая практика за ряд десятилетий, всегда сопровождается повышенной турбулентностью и диспропорциональностью в мировой экономике. Другие страны развиваются еще более

нестабильно, но выход Индии на 5-е место в мире в глобальном рейтинге подтверждает наш вывод о развитии серьезной глобальной диспропорции.

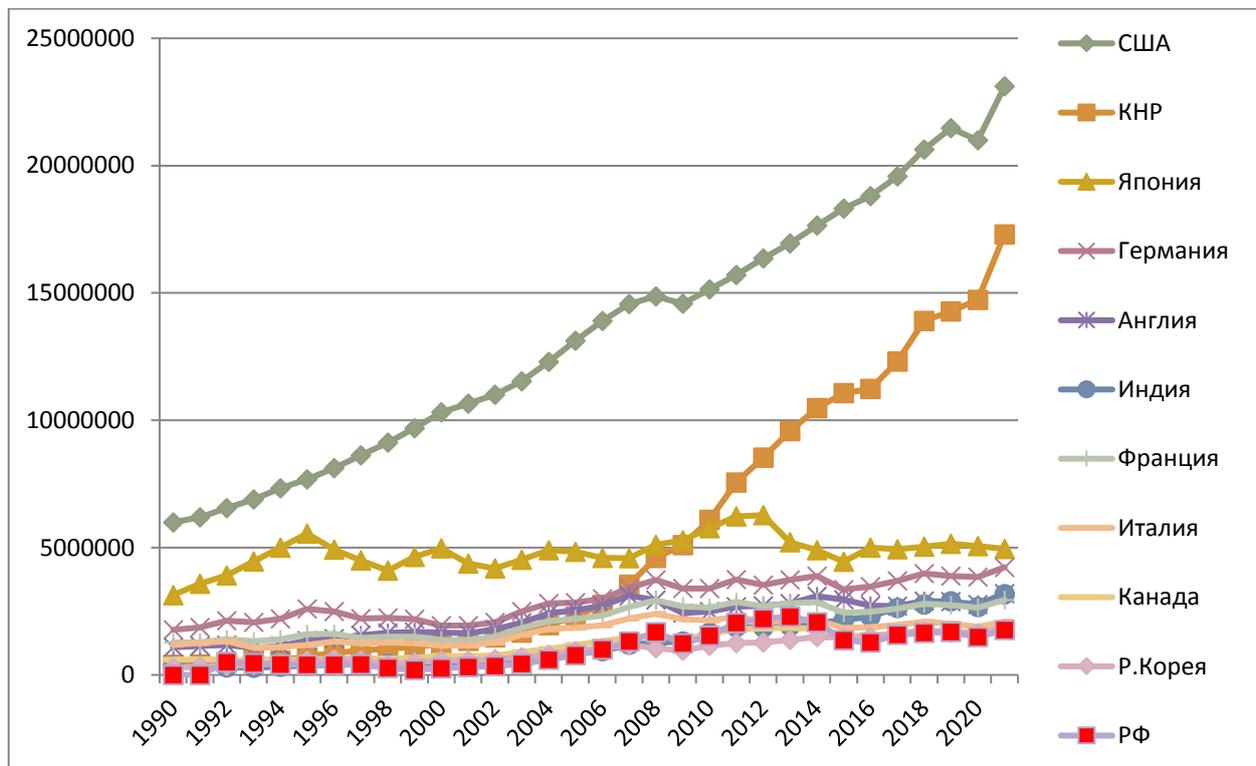

Рис. 1. Динамика производства ВВП в 11-ти ведущих экономиках мира в 2000–2021 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором на основе данных UNCTAD.

Исследователи отмечают, что еще с начала 1970-х гг. «в экономике США нарастали системные проблемы — возможно, на данном этапе едва заметные. Так, ... доля промышленного производства (добывающая и обрабатывающая промышленность) в ВВП США сократилась с практически $\frac{1}{3}$ до чуть более $\frac{1}{4}$. И это сокращение началось не в 1970-е годы. Статистические данные подтверждают, что промышленное производство в США после Второй мировой войны увеличивалось более низкими темпами по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами, за исключением Англии. В то же время уровень производительности труда в США был как в послевоенный, так и в рассматриваемый период выше, чем в других развитых капиталистических странах, в 2–4 раза» (Шкваря, 2019).

На рис. 2. показана динамика производства подушевых доходов ведущих 10-ти стран мира по этому показателю на 2021 г., которая также демонстрирует очень высокую волатильность, особенно если учесть, что количество населения можно рассматривать как постоянную переменную.

Как видно из представленных данных, США занимали в 2021 г. лишь 9-е место в мире, при сохранении относительно стабильного роста этого показателя у данной страны на протяжении последних 22 лет (да, собственно, и в предыдущие периоды). У Российской Федерации в 2021 г. по уровню подушевых доходов, по данным UNCTAD, зафиксировано 74-е место в мире, у Китая — 76-е. Т. е. страны-лидеры по производству ВВП, а этот показатель принято использовать для определения величины экономического потенциала,

оказываются существенно ниже других, относительно «бедных» стран. Что это, если не глобальная диспропорциональность?

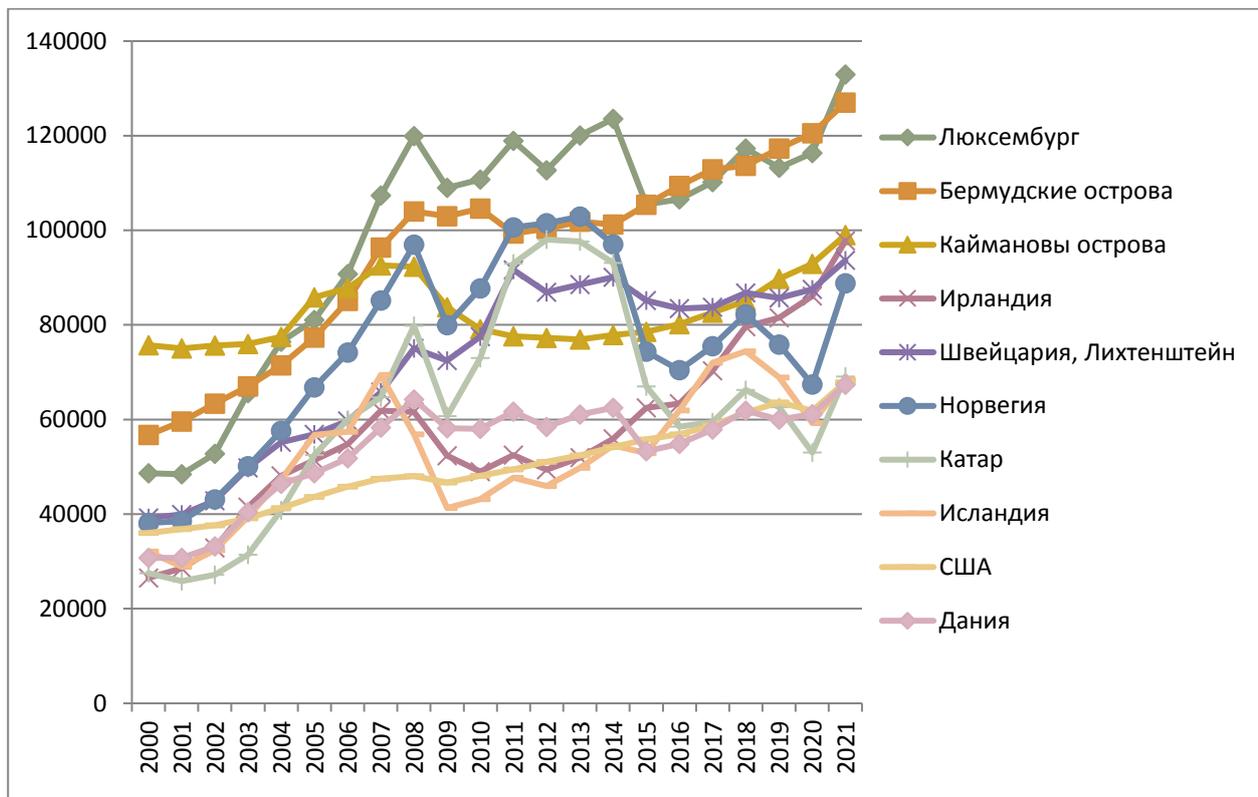

Рис. 2. Производство ВВП на душу населения в ведущих экономиках мира по рейтингу 2021 г., долларов, в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором на основе данных UNCTAD.

Стоит отметить, что волатильность динамики ВВП на душу населения у Норвегии и Катара, как видно на рис. 2, одна из наиболее высоких (в отличие от США), так как их экономическое благополучие во многом «завязано» на мировой углеводородный рынок и уровень цен на нем. Таким образом, рис. 2 в определенной мере также отражает неравномерность и диспропорции в этом сегменте мировой экономики, подверженном очень высоким колебаниям.

Одним из наиболее проблематичных с точки зрения стабильности и пропорциональности сегментов мировой экономики остается мировой рынок капитала и прямых иностранных инвестиций — ПИИ (рис. 3). Неравномерность динамики притока ПИИ в топ-10 стран по этому показателю на 2021 г. огромная — за исключением Китая. Перепады величины привлекаемых ПИИ в США, а также в экономику Российской Федерации, как видно из рис. 3, колеблются в несколько раз за краткосрочный период, что, собственно, говорит либо о наличии внутренних дисбалансов и проблем, либо о негативном влиянии внешнего фактора. Можно допустить, что и внутренние, и внешние диспропорции одновременно оказывают это влияние, которое, скорее всего, еще усугубляется вследствие синергического эффекта. В то же время и США и Китай по притоку ПИИ в 2021 г. занимали те же позиции, что и в рейтинге по производству ВВП в стоимостном выражении.

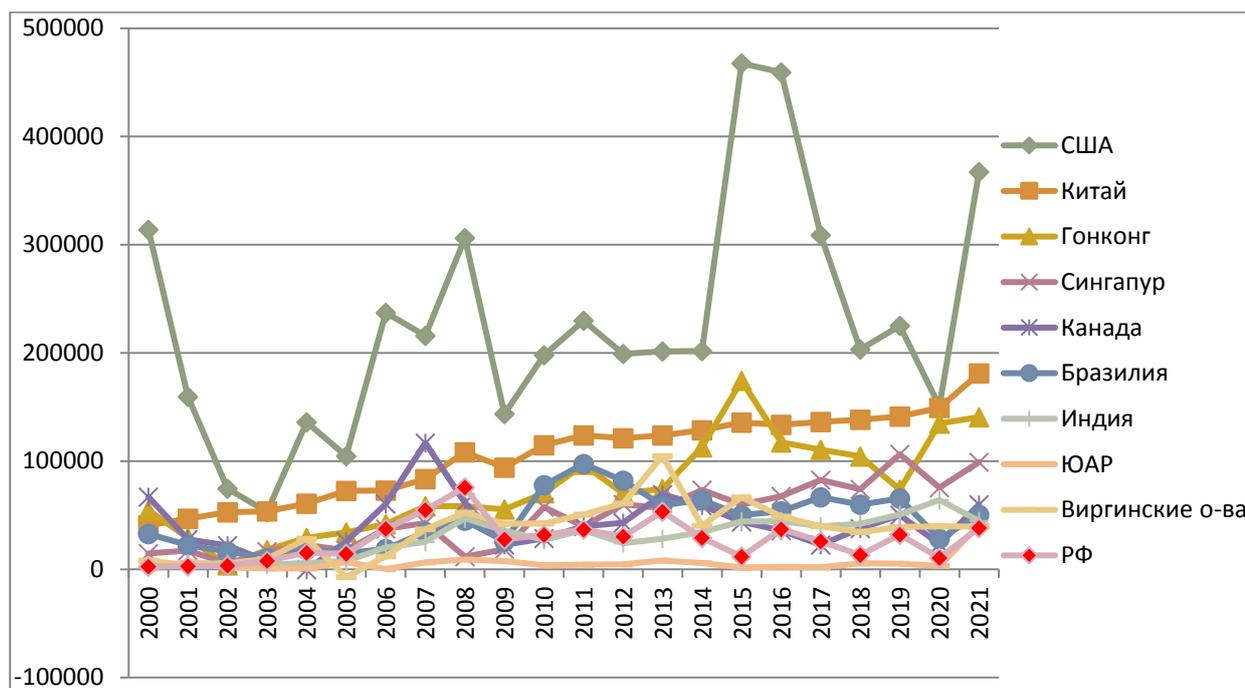

Рис. 3. Приток ПИИ в ведущие экономики мира по рейтингу 2021 г., млн долларов, в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором на основе данных UNCTAD.

Это говорит о достаточно стабильной позиции стран в мировой экономике, хотя вектор смещается в сторону превосходства Китая. Так, в 2020 г. преимущество США над Китаем по притоку ПИИ составляло всего 1,5 млрд долларов (UNCTAD). Стабильность же притока ПИИ в Китай во многом базируется на сотрудничестве со странами, расположенными вдоль «Пояса и пути», которое остается стабильным. Согласно оценкам, в 2022 г. приток ПИИ в КНР вырастет на 5,2% в национальной валюте.

С другой стороны, активизация стран БРИКС на мировом рынке ПИИ несомненна, как и укрепление их системных позиций и в этом сегменте, и в мировой экономике в целом.

Анализ генезиса экономических диспропорций дает возможность в большей или меньшей мере уменьшать их негативное влияние в экономике, прежде всего в том сегменте, где диспропорции порождаются субъективными факторами.

Список литературы

1. Американский институционализм: исследование инстинктивных основ поведения и коллективных действий в экономике / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 томах. Том 3. М.: Мысль, 2005. С. 326–337. [American institutionalism: a study of the instinctive foundations of behavior and collective actions in the economy / World Economic Thought. Through the prism of centuries. In 5 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl, 2005. Pp. 326–337. (In Russian).]

2. Борисов А. Б. (1999) Большой экономический словарь. М.: Книжный мир. 895 с. [Borisov A. B. (1999) Big Economic Dictionary. Moscow: Book world. 895 p. (In Russian).]

3. Быстряков А. Я., Пономаренко Е. В., Дигилина О. Б., Столярова Е. И. (2015) Государственное регулирование развития предпринимательства: опыт, проблемы,

инновации. Москва. 144 с. [Bystryakov A. Ya., Ponomarenko E. V., Digilina O. B., Stolyarova E. I. (2015) State regulation of entrepreneurship development: experience, problems, innovations. Moscow. 144 p. (In Russian).]

4. Вальрас Л. (2000) Элементы чистой политической экономии или теория общественного богатства; пер. с фр. И. А. Егорова, А. В. Белянина. М.: Изограф. 421 с. (Университетская б-ка: экономика). [Walras L. (2000) Elements of pure political economy or the theory of social wealth; trans. from fr. I. A. Egorova, A.V. Belyanina. M.: Izograf. 421 p. (University Library : Economics). (In Russian).]

5. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: АСТ, 2022. [Keynes D. M. General theory of employment, interest and money. Moscow: AST, 2022. (In Russian).]

6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. [Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. M., 2007.]

7. Шкваря Л. В. (2019) Сравнение экономик СССР и США в 1970–1980-х гг. Что происходило с двумя крупнейшими экономическими системами // Россия и Азия. № 1. С. 61–69. [Shkvarya L. V. (2019) Comparison of the economies of the USSR and the USA in the 1970s–1980s. What happened to the two largest economies // Russia and Asia. No. 1. Pp. 61–69. (In Russian).]

8. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

Theoretical and practical aspects of studying economic imbalances and uneven socio-economic development

Alexey V. Chernikov,

PhD (Economic Sciences), Federal State Budgetary Institution "Directorate for the Operation of Buildings of the Federal Assembly", member of the Board of Directors of Mosenergo, Moscow, Russia.

The article shows that the economy of the Russian Federation, as well as other countries and the world economy as a whole, traditionally retains many imbalances and unevenness of development. Their quantity and quality increases and deepens in the XXI century. The article analyzes both the theoretical foundations and the actual situation in the field of macroeconomic imbalances. The point of view is substantiated that macroeconomic, including global, imbalances and the tendency to their strengthening are increasingly becoming an obstacle to long-term sustainable socio-economic development and actualizes theoretical and practical research in this area. Analysis of the genesis of imbalances makes it possible to reduce their negative impact in the economy to a greater or lesser extent, primarily in the segment where imbalances are generated by subjective factors. The research is based on a dialectical approach. The study used systemic, institutional approaches and statistical methods. The UNCTAD statistical database was used.

Keywords: *Russian Federation, Russian economy, economic imbalances, uneven development, economic balance.*

JEL codes: *B22, F63.*